

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

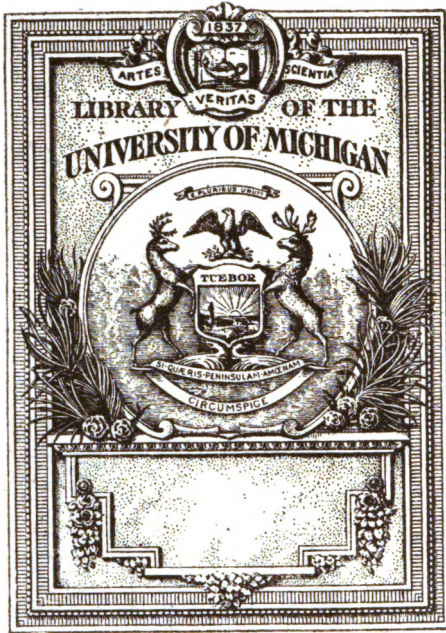
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

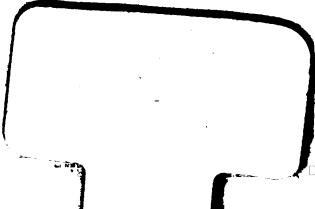
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**THE GIFT OF
PROF. ALEXANDER ZIWET**

891.78

T65

C4

1. класс, Лев Николаевич

891.78
Т65
С4

OEUVRES COMPLÈTES INTERDITES EN RUSSIE
de LEON TOLSTOY.

Vol. I. Introduction à la Critique de la Théologie Dogmatique.
(Confession.)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЗАПРЕЩЕННЫХЪ РУССКОЙ ЦЕНЗУРОЙ 585

Л. Н. ТОЛСТОГО

Томъ I.

ВСТУПЛЕНИЕ

КЪ КРИТИКЪ ДОГМАТИЧЕСКАГО БОГОСЛОВІЯ И
ИЗСЛѢДОВАНІЮ ХРИСТИАНСКАГО УЧЕНІЯ
(ИСПОВѢДЬ).

Издание „Свободнаго Слова“,
Подъ редакціей В. Черткова.

№ 70.

Адресъ главнаго склада:
А. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

891.78

T65

C4

Prof. Alex. Zinet.

opt.

6 vols.

5-8-1923

ПРЕДИСЛОВІЕ ОУЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ предпринятаго нами „*Полнаго Собранія запрещенныхъ въ Россіи Сочиненій Льва Николаевича Толстого*“, мы начинаемъ осуществленіе нашей давнишней, завѣтной мечты, къ которому, къ сожалѣнію, намъ такъ долго не удавалось приступить, по независѣвшимъ отъ насъ обстоятельствамъ, и дальнѣйшій ходъ котораго все еще всецѣло зависитъ отъ сочувствія русскаго общества къ этой задачѣ. До сихъ поръ всѣ силы и средства, которыми мы располагали для распространенія писаній Льва Николаевича Толстого, уходили на изданіе постоянно появлявшихся новыхъ его работъ, которыхъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, мы выпустили около сорока*), большаю частью — отдѣльными книжками и отчасти въ „*Листкахъ Свободнаго Слова*“.

Нѣтъ нужды доказывать русскимъ читателямъ необходимости систематическаго и объединеннаго изданія по-русски, за границей, всѣхъ писаній Л. Н. Толстого, которыя запрещены цензурою въ Россіи. Потребность въ такомъ изданіи ощущается съ особенною настоятельностью именно теперь, въ виду напряженнаго и постоянно возрастающаго интереса, проявляющагося не только въ Россіи, но и во всѣхъ странахъ ко всякому слову, исходящему отъ Толстого; и если, въ настоящую минуту, на нѣсколькихъ европейскіихъ языкахъ одновременно готовятся къ печати, въ переводахъ, полныя собранія его сочиненій, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что настало же, наконецъ, время выпустить такое собраніе на томъ родномъ намъ языкѣ, на которомъ Л. Н. Толстой написалъ всѣ

*) См. *Каталогъ изданій „Свободнаго Слова“*.

свои сочиненія. И важно, чтобы задачу эту предприняли лица, близко стоящія къ самому автору и готовые приложить всѣ старанія къ наиболѣе точному воспроизведенію его писаній по самымъ достовѣрнымъ и окончательно исправленнымъ версиямъ; тѣмъ болѣе, что первыя заграничныя изданія его отдѣльныхъ сочиненій, выпущенныя до основанія нашего издательства, страдаютъ не только изобиліемъ корректурныхъ небрежностей, но и крупными неточностями самого текста. Находясь, съ своей стороны, въ силу счастливыхъ обстоятельствъ, въ исключительно выгодныхъ условіяхъ для правильного осуществленія задачи изданія дѣйствительно полнаго и точнаго собранія этихъ сочиненій, мы и приступаемъ, съ настоящимъ выпускомъ, къ этому дѣлу съ намѣреніемъ употребить всѣ усилія для удовлетворительнаго его осуществленія и въ надеждѣ на поддержку со стороны почитателей литературной дѣятельности Льва Николаевича Толстого.

В. и А. Чертковы.

Christchurch, 1 января 1902 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ВСТУПЛЕНИЕ

КЪ КРИТИКѢ ДОГМАТИЧЕСКАГО БОГОСЛОВІЯ И ИСЛѢДОВАНІЮ
ХРИСТІАНСКАГО УЧЕНІЯ.
(ИСПОВѢДЬ).

I.

Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей съ дѣтства и во все время моего отрочества и юности. Но когда я въ 18 лѣтъ вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили.

Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда и не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, чему меня учили, и къ тому, что исповѣдывали передо мной большіе; но довѣріе это было очень шатко.

Помню, что, когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володинъ М., учившійся въ гимназіи, придя къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю новинку объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназіи. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 г.). Помню, какъ старшіе братья заинтересовались новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что, когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ, съ свойственной его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы всѣ, и даже старшіе, не переставая поднимали его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ отказывавшагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ, что учить катехизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно всего этого не надо принимать. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія. Оно, какъ мнѣ кажется, происходитъ въ большинствѣ случаевъ такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣроученіемъ, но большею частью противоположныхъ ему; вѣроученіе не участвуетъ въ жизни, и въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться съ нимъ и самому въ собственной жизни никогда не приходится справляться съ нимъ; вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея. Если сталкиваешься съ нимъ, то только какъ съ внѣшнимъ, не связаннымъ съ жизнью явленіемъ.

По жизни человѣка, по дѣламъ его, какъ теперь, такъ и тогда, никакъ нельзя узнать, вѣрующій онъ или нѣтъ. Если и есть различіе между явно исповѣдующимъ православіе и отрицающимъ его, то не въ пользу перваго. Какъ теперь, такъ и тогда явное

признаніе и исповѣданіе православія большею частью встрѣчалось въ людяхъ тупыхъ, жестовыхъ и считающихъ себя очень важными. Умъ же, честность, прямота, добродушіе и нравственность большей частью встрѣчались въ людяхъ, признающихъ себя невѣрующими.

Въ школахъ учать катехизису и посылають учениковъ въ церковь; отъ чиновниковъ требуютъ свидѣтельствъ въ бытіи у причастія. Но человекъ нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службѣ, и теперь, а въ старину еще больше, можетъ прожить десятки лѣтъ, не вспомнивъ ни разу о томъ, что онъ живетъ среди христіанъ и самъ считается исповѣдующимъ христіанскую православную вѣру.

Такъ что, какъ теперь, такъ и прежде, вѣроученіе, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знаній и опытовъ жизни, противоположныхъ вѣроученію, и человекъ очень часто живетъ, воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое сообщено ему съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣда.

Мнѣ рассказывалъ С., умный и правдивый человекъ, какъ онъ пересталъ вѣрить. Лѣтъ 26-ти уже, онъ разъ на ночлегъ во время охоты, по старой, съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ на охотѣ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончилъ и сталъ ложиться, братъ его сказалъ ему: „А ты все еще дѣлаешь это?“

И больше ничего они не сказали другъ другу. И С. пересталъ съ того дня становиться на молитву и ходить въ церковь. И вотъ тридцать лѣтъ не молится, не причащается и не ходитъ въ церковь. И не потому, чтобы онъ зналъ убѣжденія своего брата и присоединился бы къ нимъ, не потому, чтобы онъ рѣшилъ что-нибудь въ своей душѣ, а

только потому, что слово это, сказанное братомъ, было какъ толчокъ пальцемъ въ стѣну, которая готова была упасть отъ собственной тяжести; слово было только указаніемъ на то, что тамъ, гдѣ онъ думалъ, что есть вѣра, давно уже пустое мѣсто, и что потому слова, которыя онъ говоритъ, и кресты и поклоны, которые онъ кладетъ во время стоянія на молитвѣ, суть вполнѣ безмысленныя дѣйствія. Сознавъ ихъ безмысленность, онъ не могъ продолжать ихъ.

Такъ было и бываетъ, я думаю, съ огромнымъ большинствомъ людей. Я говорю о людяхъ нашего образованія, о людяхъ, правдивыхъ съ самими собой, а не о тѣхъ, которые самый предметъ вѣры дѣлаютъ средствомъ для достиженія какихъ бы то ни было временныхъ цѣлей. (Эти люди — самые коренные невѣрующіе, потому что если вѣра для нихъ — средство для достиженія какихъ бы то ни было житейскихъ цѣлей, то это ужъ навѣрное не вѣра.) Эти люди нашего образованія находятся въ томъ положеніи, что свѣтъ знанія и жизни растопилъ искусственное зданіе, и они или уже замѣтили это и освободили мѣсто, или еще не замѣтили этого.

Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ той только разницей, что такъ какъ я съ 15-ти лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16-ти лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ было сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ бы не могъ сказать. Вѣрилъ я и въ Бога, или, скорѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я бы не могъ сказать. Не отрицалъ я и Христа и его ученіе, но въ чемъ было его ученіе, я тоже не могъ бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что

вѣра моя — то, что, кромѣ животныхъ истинетовъ, двигало мою жизнь — единственная истинная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенство-
ваніе. Но въ чемъ было совершенствованіе и какая была цѣль его, я бы не могъ сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, — я учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю, — составлялъ себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями приучая себя къ выносливости и терпѣнію. И все это я считалъ совершенствованіемъ. Началомъ всего было, разумѣется, нравственное совершенствованіе, но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т. е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т. е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ.

II.

Когда-нибудь я расскажу исторію моей жизни — и трогательную, и поучительную въ эти десять лѣтъ моей молодости. Думаю, что многіе и многіе испытали то же. Я всею душой желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевные мои желанія, то, что я хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки; а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли.

Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любострастіе, гордость, гнѣвъ, месть — все это уважалось.

Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожъ на большого и я чувствовалъ, что мною довольны. Добрая тетусва моя, чистѣйшее существо, съ которою я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замуженною женщиною: „rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut“; еще другого счастья она желала мнѣ, того, чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя; — и самага большого счастья — того, чтобы я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобы у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ.

Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ; казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любовдѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершала, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственными чловѣкомъ.

Такъ я жилъ десять лѣтъ.

Въ это время я сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подѣ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили.

Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды

на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ раснущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала.

Взглядъ на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы — художники, поэты. Наше призваніе — учить людей. Для того же, чтобъ не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: чтò я знаю и чему мнѣ учить, — въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я — художникъ, поэтъ — писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо.

Вѣра эта въ значеніе поэзии и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и, въ особенности, на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы — самые хорошіе и полезные учителя; мы учимъ тому, чтò нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ, мы — настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того было

много между нами людей, и не заботящихся о томъ, кто правъ, кто не правъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило усомниться въ истинности нашей вѣры.

Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и, въ большинствѣ, люди плохіе, ничтожные по характерамъ — много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, — но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ

я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта — обманъ. Но странно то, что, хотя всю эту ложь вѣры я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, — отъ чина художника, поэта, учителя, — я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я — поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ.

Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ — до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему.

Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей (такихъ, впрочемъ, и теперь тысячи), мнѣ и жалко, и страшно, и смѣшно; возникаетъ именно то чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ.

Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать — какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицая, ругая одинъ другого, всѣ печатали, писали, поучая другихъ. И не замѣчая того, что мы ничего

не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно, — мы не знаемъ, что отвѣтить, — мы всё, не слушая другъ друга, всё въ разъ говорили, иногда потаяая другъ другу и восхваляя другъ друга, съ тѣмъ, чтобъ и мнѣ потакали и меня похвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга, точно такъ, какъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Тысячи работниковъ дни и ночи изъ послѣднихъ силъ работали, набирали, печатали миллионы словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, а мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.

Ужасно странно, но теперь все понятно. Настоящимъ задушевымъ нашимъ разсужденіемъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь бесполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы — очень важные люди, намъ надо было еще разсужденіе, которое бы оправдывало нашу дѣятельность. И вотъ у насъ было придумано слѣдующее: все, что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, все развивается. Развивается же все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы — самые полезные и хорошіе люди. Разсужденіе это было бы очень хорошо, если бы мы всё были согласны; но такъ какъ, на каждую мысль, высказываемую однимъ, являлась всегда мысль, діаметрально противоположная, высказываемая другимъ, то это должно бы было заставить насъ одуматься. Но мы этого не замѣчали; намъ платили деньги, и люди нашей партіи насъ хвалили,

стало быть, мы, каждый изъ насъ, считали себя правыми.

Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домою никакой не было; тогда же я только смутно подозрѣвалъ это, и только, какъ и всѣ сумасшедшіе, — называлъ всѣхъ сумасшедшими, кромѣ себя.

III.

Такъ я жилъ, предаваясь этому безумію еще шесть лѣтъ, до моей женитбы. Въ это время я поѣхалъ за границу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердила меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, въ которой я жилъ, потому что ту же самую вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ „прогрессъ“. Тогда мнѣ казалось, что этимъ словомъ выражается что-то. Я не понималъ еще того, что, мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно съ прогрессомъ, — отвѣчаю совершенно то же, что отвѣтитъ человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ и по вѣтру, на главный и единственный для него вопросъ: „куда держаться“, — если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ: „насъ несетъ куда-то“.

Тогда я не замѣчалъ этого. Только изрѣдка — не разумъ, а чувство возмущалось противъ этого общаго въ наше время суевѣрія, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. Такъ, въ бытность мою въ Парижѣ, видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то, и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ

— не уможь, а всёжь существовь, — что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы всё люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлають люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ. Другой случай сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человекъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ, и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія. Но это были только рѣдкіе случаи сомнѣнія, въ сущности же я продолжалъ жить, исповѣдуя только вѣру въ прогрессъ. „Все развивается, и я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно будетъ.“ Я тогда такъ бы долженъ былъ формулировать свою вѣру.

Вернувшись изъ-за границы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая уже рѣзала мнѣ глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности же, я вертѣлся все около одной и той же неразрѣшимой задачи, состоящей въ томъ,

чтобы учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понялъ, что нельзя учить, не зная чему учить, потому что я видѣлъ, что всѣ учать различному и спорами между собой скрываютъ только сами отъ себя свое незнаніе; здѣсь же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы представить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я видѣлъ, чтобы исполнить свою похоть — учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, я въ другой разъ поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ.

И мнѣ казалось, что я этому выучился за границей, и, вооруженный всей этой премудростью, я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ въ школахъ, и образованныхъ людей въ журналѣ, который я началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я бы тогда, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, въ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если-бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе, — это была семейная жизнь.

Въ продолженіе года я занимался посредничесгвомъ, школами и журналомъ и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась моя дѣятельность въ школахъ, такъ противно мнѣ стало мое вліяніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ же — въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему

учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, — бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше.

Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ.

Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ, я все-таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за мой ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей.

Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше.

Такъ я жилъ, но пять лѣтъ тому назадъ со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить попрежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? Ну, а потомъ?

Сначала мнѣ показалось, что это таеъ — безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось, что это все извѣстно и что если я когда и захочу заняться ихъ рѣшеніемъ, это не будетъ стоить мнѣ труда, — что теперь мнѣ только некогда заниматься, а когда вздумаю, тогда и найду отвѣты. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовались отвѣты, и какъ точки, падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы, безъ отвѣтовъ, въ одно черное пятно.

Случилось то, что случается съ каждымъ заболѣвающимъ смертельною внутреннею болѣзнію. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе растетъ, и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принималъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, что это — смерть.

То же случилось и со мной. Я понялъ, что это — не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я попытался отвѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, дѣтскими вопросами. Но только-что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что это не дѣтскіе и глупые вопросы, а самые важные и глубокіе вопросы въ жизни, и, во вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думалъ, разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю — зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя

будеть 6000 десятинъ въ Самарской губерніи — 300 головъ лошадей, а потомъ?.. И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: „Зачѣмъ?“ Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?“ Или, думая о той славѣ, которую приобретутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ, — ну, и что-жь?..“ И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ.

Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить.

IV.

Жизнь моя остановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не ѣсть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. Если я желалъ чего, я впередъ зналъ, что удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе, изъ этого ничего не выйдетъ. Если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній, прежнихъ, въ пьяныя минуты, то я въ трезвыя минуты знаю, что это — обманъ, что нечего желать. Даже узнать истину я не могъ желать, потому что я догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была та, что жизнь есть бессмыслица. Я какъ будто жилъ-жилъ, шель-шелъ и пришелъ въ пропасти, и ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ по-

гибели. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти — полнаго уничтоженія.

Со мной сдѣлалось то, что я, здоровый, счастливый человекъ, почувствовалъ, что я не могу бо-
гѣе жить, — какая-то непреодолимая сила влекла меня въ тому, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ жизни. Нельзя сказать, чтобы я *хотѣлъ* убить себя.

Сила, которая влекла меня прочь отъ жизни, была сильнѣе, полнѣе, общѣ хотѣнья. Это была сила, подобная прежнему стремленію къ жизни, только въ обратномъ отношеніи. Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ пришла мнѣ такъ же естественно, какъ прежде приходили мысли объ улучшеніи жизни. Мысль эта была такъ соблазнительна, что я долженъ былъ употреблять противъ себя хитрости, чтобы не привести ее слишкомъ поспѣшно въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться: если не распутаюсь, то всегда успѣю. И вотъ тогда я, счастливый человекъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни. Я самъ не зналъ, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь отъ нея и, между тѣмъ, чего-то еще надѣялся отъ нея.

И это сдѣлалось со мной въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было у меня то, что считается совершеннымъ счастьемъ; это было тогда, когда мнѣ не было пятидесяти лѣтъ. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошія дѣти и большое имѣніе, которое безъ труда съ моей стороны росло и увеличивалось. Я былъ уважаемъ близкими и

знакомыми, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, быть восхваляемъ чужими и могъ считать, что имя мое славно, безъ особеннаго самообольщенія. При этомъ я не только не былъ помѣшанъ или духовно нездоровъ, — напротивъ, пользовался силой и духовной, и тѣлесной, какую я рѣдко встрѣчалъ въ своихъ сверстникахъ: тѣлесно я могъ работать на покосахъ, не отставая отъ мужиковъ; умственно я могъ работать по 8 — 10 часовъ подъ рядъ, не испытывая отъ такого напряженія никакихъ послѣдствій. И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить, и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишиться себя жизни.

Душевное состояніе это выражалось для меня такъ: жизнь моя есть какая-то, кѣмъ-то сыгранная надо мною глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавалъ „кого-то“, который меня сотворилъ, эта форма представленія, что кто-то надо мной подшутилъ зло и глупо, произведя меня на свѣтъ, была самая естественная мнѣ форма представленія.

Невольно мнѣ представлялось, что тамъ, гдѣ-то есть кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я цѣлыя 30 — 40 лѣтъ жилъ, жилъ, учась, развиваясь, возрастая тѣломъ и духомъ, и какъ я теперь, совсѣмъ окрѣпнувъ умомъ, дойдя до той вершины жизни, съ которой открывается вся она, — какъ я дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, и не было, и не будетъ. А ему смѣшно...

Но есть ли или нѣтъ этотъ кто-нибудь, который смѣется надо мной, мнѣ отъ этого не легче. Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ я могъ не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно извѣстно всѣмъ. Не нынче-завтра придутъ болѣзни, смерть (и прихо-

дили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся — раньше, позднѣе, да и меня не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить — вотъ что удивительно! можно жить только, покуда пьянъ жизнью; а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это — только обманъ, и глупый обманъ! Вотъ именно, что ничего даже нѣтъ смѣшного и остроумнаго, а просто — жестоко и глупо.

Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномерно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня; но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мышь день и ночь

подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и медь уже не сладокъ мнѣ. Я вижу одно — неизбежнаго дракона и мышей, — и не могу отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.

Прежній обманъ радостей жизни, заглушавшій ужасъ дракона, уже не обманываетъ меня. Сколько ни говори мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи, — я не могу дѣлать этого, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могу не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти. Я вижу это одно, потому что это одно — истина. Остальное > все — ложь.

Тѣ двѣ капли меда, которыя дольше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины — любовь къ семьѣ и къ писательству, которое я называлъ искусствомъ, — уже не сладки мнѣ.

„Семья... — говорилъ я себѣ: — но семья — жена, дѣти; они тоже люди. Они находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ и я: они или должны жить во лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ же имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, растить и блюсти ихъ? Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины, — всякій шагъ въ познаніи ведетъ ихъ къ этой истинѣ. А истина — смерть.

„Искусство, поэзія?...“ Долго подъ вліяніемъ успѣха похвалы людской я увѣрялъ себя, что это — дѣло, которое можно дѣлать, несмотря на то, что придетъ смерть, которая уничтожитъ все — и мои дѣла, и память о нихъ; но скоро я увидалъ, что и это — обманъ. Мнѣ было ясно, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, какъ же я могу заманивать другихъ. Пока я не жилъ

своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнахъ, пока я вѣрилъ, что жизнь имѣеть смыслъ, хотя я и не умѣю выразить его, — отраженія жизни всякаго рода въ поэзи и искусствахъ доставляли мнѣ радость, мнѣ весело было смотрѣть на жизнь въ это зеркальце искусства; но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, когда я почувствовалъ необходимость самому жить, — зеркальце это стало мнѣ или ненужно, излишне и смѣшно, или мучительно. Мнѣ нельзя уже было утѣшаться тѣмъ, что я въ зеркальцѣ вижу: что положеніе мое глупо и отчаянно. Хорошо мнѣ было радоваться этому, когда въ глубинѣ души я вѣрилъ, что жизнь моя имѣеть смыслъ. Тогда эта игра свѣтовъ — комическаго, трагическаго, трогательнаго, прекраснаго, ужаснаго въ жизни — потѣшала меня. Но когда я зналъ, что жизнь бессмысленна и ужасна, — игра въ зеркальцѣ не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть сладка мнѣ, когда я видѣлъ дракона и мышей, подтачивающихъ мою опору.

Но этого мало. Если-бъ я просто понялъ, что жизнь не имѣеть смысла, я спокойно бы могъ знать это, могъ бы знать, что это — мой удѣлъ. Но я не могъ успокоиться на этомъ. Если-бъ я былъ, какъ человѣкъ, живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ что нѣтъ выхода, я бы могъ жить; но я былъ какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго напала ужасъ оттого, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу, — зная, что всякій шагъ еще больше путаетъ его, — и не можетъ не метаться.

Вотъ что было ужасно. И чтобъ избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что меня ожидаетъ, — зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно

разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что-нибудь, и все кончится, я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужась тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству.

V.

„Но, можетъ быть, я просмотрѣлъ что-либо, не понялъ чего-нибудь? — нѣсколько разъ говорилъ я себѣ. — Не можетъ же быть, чтобъ это состояніе отчаянія было свойственно людямъ!“ И я искалъ объясненія на мои вопросы во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи, — искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья, — и ничего не нашель.

Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ и не только не нашель, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе — бессмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку.

Я искалъ вездѣ и, благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что, по связямъ своимъ съ міромъ ученыхъ, мнѣ были доступны сами ученые всѣхъ разнообразныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ, я узналъ все то, что на вопросъ жизни отвѣчаетъ знаніе.

Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вглядываясь въ важность и серьезность тогда науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего

общаго съ вопросами человѣческой жизни, — что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ, и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои — одни законные вопросы, служащіе основою всякаго знанія, и что виновать не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы.

Вопросъ мой — тотъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ самоубійству, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца, — тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, такъ я испыталъ это на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: „что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра, — что выйдетъ изъ всей моей жизни?“

Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: „зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?“ Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: „есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжною, предстоящею мнѣ смертію?“

На этотъ-то, одинъ и тотъ же различно выраженный вопросъ я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи. И я нашель, что по отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противоположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса: одинъ — отрицательный, другой — положительный; но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы жизни.

Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это рядъ знаній

опытныхъ, и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это — рядъ знаній умозрительныхъ, и на крайней ихъ точкѣ — метафизика.

Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня, и пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельно разрѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которыя даетъ знаніе.

То, въ области опытной, я говорилъ себѣ: „Все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты — часть цѣлаго. Познавъ, насколько возможно, цѣлое и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ, и самого себя.“ Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогащалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе и вопросовъ моей жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился, — я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабеютъ, зубы падаютъ, — и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принялъ за законъ то, что нашель въ себѣ въ извѣстную пору жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона; и мнѣ ясно стало, что закона безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать: въ безконечномъ пространствѣ и времени все развивается, совершен-

ствуется, усложняется, дифференцируется, — это — значить ничего не сказать. Все это — слова без значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простаго, ни преда, ни зада, ни лучше, ни хуже.

Главное же то, что вопросъ мой личный: что я такое съ моими желаніями? — оставался уже совсѣмъ безъ отвѣта. И я понялъ, что знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знанія обратно пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ меньше они приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ они точнѣе и яснѣе, чѣмъ болѣе они пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни, тѣмъ болѣе они становятся неясными и непривлекательными. Если обратишься къ той отрасли этихъ знаній, которая пытается давать рѣшенія на вопросы жизни — къ физиологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ неоправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросовъ и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ другими и даже съ самимъ собою. Если обратишься къ отрасли знаній, не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные, спеціальные вопросы, то восхищаешься силой человѣческаго ума, но знаешь впередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни нѣтъ. Эти знанія прямо игнорируютъ вопросъ жизни. Они говорятъ: „на то, что ты такое и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ и этимъ не занимаемся; а вотъ если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединеній, законы развитія организмовъ, если тебѣ нужно знать законы тѣлъ, ихъ формъ и отношеніе чиселъ и величинъ, если тебѣ нужно знать законы твоего ума, то на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣнные отвѣты“.

Вообще отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросу жизни можетъ быть выражено такъ: Вопросъ:

зачѣмъ я живу? — Отвѣтъ: въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечно долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь на землѣ.

То, въ области умозрительной, я говорилъ себѣ: „все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти становятся все выше и выше, и человѣчество идетъ, къ высшему благу. Я — часть человѣчества, и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества.“ И я во время слабоумія своего удовлетворялся этимъ; но какъ скоро ясно возсталъ во мнѣ вопросъ жизни, вся эта теорія мгновенно рушилась. Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдають выводы, сдѣланные изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы; не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы человѣчества; — странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: „что я такое“, или: „зачѣмъ я живу“, или: „что мнѣ дѣлать“, — человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ: „что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени. Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя.

Долженъ сознаться, что было время, когда я вѣрилъ

этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я могъ бы смотрѣть на свои прихоти, какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возсталъ въ моей душѣ вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетѣлся прахомъ. И я понялъ, что какъ въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на не подлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области я понялъ, что есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать на не подлежащіе вопросы. Полунауки этой области — науки юридическія, соціально историческія — пытаются разрѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онѣ мнимо, каждая по-своему, разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества.

Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ, искренно спрашивающій, какъ мнѣ жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ, и тогда ты поймешь свою жизнь, — точно такъ же не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно такъ же какъ въ полунаукахъ опытныхъ, и эти полунауки тѣмъ болѣе исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противорѣчій, чѣмъ дальше онѣ уклоняются отъ самихъ задачъ. Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явленій. Стоить опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ и — получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознаніе безпричинной сущности жизни. Стоить ввести изслѣдованіе причинныхъ явленій, какъ явленія соціальныя, историческія, и получается чепуха.

Опытная наука тогда только даетъ положительное знаніе и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она не вводитъ въ свои изслѣдованія конечной причины. И, наоборотъ, умозрительная наука — тогда только наука и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій и разсматриваетъ человѣка только по отношенію къ конечной причинѣ. Такова въ этой области наука, составляющая полюсь области — метафизика или философія. Наука эта ясно ставитъ вопросъ: что такое я и весь міръ? и зачѣмъ я и зачѣмъ весь міръ? И съ тѣхъ поръ, какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи ли, субстанцію ли, духъ ли, волю ли называетъ философъ сущностью жизни, находящейся во мнѣ и во всемъ существующемъ, философъ говоритъ одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю: зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?... И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ. И если она — истинная философія, то вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобъ ясно поставить этотъ вопросъ. И если она твердо держится своей задачи, то она и не можетъ отвѣчать иначе какъ на вопросъ: „что такое я и весь міръ?“ — „все и ничто“; а на вопросъ: „зачѣмъ?“ — „зачѣмъ... — не знаю“.

Такъ что, какъ ни верти тѣми умозрительными отвѣтами философіи, я никакъ не получу ничего похожаго на отвѣтъ, — и не потому, что какъ въ области ясной, опытной, отвѣтъ относится не до моего вопроса, а потому, что тутъ, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопросъ, отвѣта нѣтъ, а, вмѣсто отвѣта, получается тотъ же вопросъ, только въ усложненной формѣ.

VI.

Въ поискахъ за отвѣтами на вопросъ жизни я испыталъ совершенно то же чувство, которое испытываетъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ.

Вышелъ на поляну, влѣзъ на дерево и увидалъ ясно безпредѣльные пространства, но увидалъ, что тамъ дома нѣтъ и не можетъ быть; пошелъ въ чащу, въ мракъ и увидалъ мракъ, и тоже нѣтъ и нѣтъ дома.

Такъ я блуждалъ въ этомъ лѣсу знаній человѣческихъ между просвѣтами знаній математическихъ и опытныхъ, открывавшихъ мнѣ ясныя горизонты, но такіе, по направленію которыхъ не могло быть
X дома, и между мракомъ умозрительныхъ знаній, въ которыхъ я погружался тѣмъ въ большій мракъ, чѣмъ дальше я подвигался, и убѣдился, наконецъ, въ томъ, что выхода нѣтъ и не можетъ быть.

Отдаваясь свѣтлой сторонѣ знаній, я понималъ, что я только отвожу себѣ глаза отъ вопроса. Какъ ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшіеся мнѣ, какъ ни заманчиво было погружаться въ безконечность этихъ знаній, я понималъ уже, что они, эти знанія, тѣмъ болѣе ясны, чѣмъ менѣе они мнѣ нужны, чѣмъ менѣе отвѣчаютъ на вопросъ.

Ну, я знаю, — говорилъ я себѣ, — все то, что такъ упорно желаетъ знать наука, а отвѣта на вопросъ о смыслѣ моей жизни на этомъ пути нѣтъ. Въ умозрительной же области я понималъ, что, несмотря на то, или именно потому, что цѣль знанія была прямо направлена на отвѣтъ моему вопросу, отвѣта нѣтъ много, какъ тотъ, который я самъ далъ себѣ: какой смыслъ моей жизни? — Никакого. — Или: что выйдетъ изъ моей жизни? — Ничего. — Или: зачѣмъ существуетъ все то, что существуетъ, и зачѣмъ я существую? — Затѣмъ, что существуетъ.

Спрашивая у одной стороны человѣческихъ зна-

ній, я получалъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, о чемъ я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движеніи солнца къ созвѣздію Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно малыхъ, невѣсомыхъ частицъ эѳира; но отвѣтъ въ этой области знаній на мой вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни? — былъ одинъ: ты то, что ты называешь твоей жизнью; ты — временное, случайное сдѣленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сдѣленіе это продержится нѣкоторое время; потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится — и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты — случайно сплотившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣветъ. Прѣніе это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочится — и кончится прѣніе и всѣ вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній и ничего другого не можетъ сказать, если она только строго слѣдуетъ своимъ основамъ.

При такомъ отвѣтѣ оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Мнѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ.

Тѣ же неясныя сдѣлки, которыя дѣлаетъ эта сторона опытнаго, точнаго знанія съ умозрѣніемъ, при которомъ говорится, что смыслъ жизни состоитъ въ развитіи и содѣйствіи этому развитію, — по неточности и неясности своей не могутъ считаться отвѣтами.

Другая сторона знанія — умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, прямо отвѣчая на вопросъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и то же: міръ есть что-то безконечное и непонятное. Жизнь человѣческая есть непостижимая часть этого непостижимаго „всего“. Опять

я исключая всё тѣ сдѣлки между умозрительными и опытными знаніями, которыя составляютъ весь балластъ полунукуъ, такъ называемыхъ, юридическихъ, политическихъ, историческихъ. Въ эти науки опять такъ же неправильно вводятся понятія развитія, совершенствованія съ тою только разницей, что тамъ — развитіе всего, а здѣсь — жизни людей. Неправильность одна и та же: развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не можетъ имѣть ни цѣли, ни направленія, и по отношенію къ моему вопросу ничего не отвѣчаетъ.

Тамъ же, гдѣ умозрительное знаніе точно, именно въ истинной философіи, — не въ той, которую Шопенгауэръ называетъ профессорской философіей, служащей только къ тому, чтобы распредѣлить всё существующія явленія по новымъ философскимъ графамъ и назвать ихъ новыми именами, — тамъ, гдѣ философъ не упускаетъ изъ виду существенный вопросъ, отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же, — отвѣтъ, данный Сократомъ, Шопенгауэромъ, Соломономъ, Буддой.

„Мы приблизимся къ истинѣ только настолько, насколько мы удалимся отъ жизни, — говоритъ Сократъ, готовясь къ смерти. — Къ чему мы, любящіе истину, стремимся въ жизни? — Къ тому, чтобы освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ жизни тѣла. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ?“

Мудрецъ всю жизнь ищетъ свою смерть, и потому смерть не страшна ему“.

А вотъ что говоритъ Шопенгауэръ:

„Познавши внутреннюю сущность міра, какъ волю, и во всѣхъ явленіяхъ, отъ бессознательнаго стремленія темныхъ силъ природы до полной сознаниемъ дѣятельности человѣка, признавши только предметность этой воли, мы никакъ не избѣжимъ того слѣдствія, что вмѣстѣ съ свободнымъ отрицаніемъ, самоуничтоженіемъ воли исчезнуть и всё“

тѣ явленія, то постоянное стремленіе и влеченіе безъ цѣли и отдыха на всѣхъ ступеняхъ предметности, въ которомъ и черезъ которое состоитъ міръ, исчезнетъ разнообразіе послѣдовательныхъ формъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ формой всѣ ея явленія съ своими общими формами, пространствомъ и временемъ, а, наконецъ, и послѣдняя основная его форма — субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли, нѣтъ представленія, нѣтъ и міра. Передъ нами, конечно, остается только ничто. Но то, чтò противится этому переходу въ ничтожество, наша природа есть вѣдь только эта самая воля къ существованію (Wille zum Leben), составляющая насъ самихъ, какъ и нашъ міръ. Что мы такъ боимся ничтожества, или, чтò то же, такъ хотимъ жить — означаетъ только, что мы сами ничто иное, какъ это хотѣніе жизни, и ничего не знаемъ, кромѣ него. Поэтому то, чтò останется по совершенномъ уничтоженіи воли для насъ, которые еще полны волей, есть, конечно, ничто; но, и на оборотъ, для тѣхъ, въ которыхъ воля обратилась и оторвалась отъ себя, для нихъ этотъ нашъ столь реальный міръ, со всѣми его солнцами и млечными путями, есть ничто“.

„Суета суетъ, — говоритъ Соломонъ, — суета суетъ — все суета! Чтò пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ вѣвѣки... Чтò было, то и будетъ; и чтò дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорить: „смотри, вотъ это новое“; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ. Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, чтò будетъ, не останется памяти у тѣхъ, кто э будутъ послѣ. Я, Экклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростью все, чтò дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ чело-

вѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подь солнцемъ, и, вотъ, все суета и томленіе духа... Говорилъ я съ сердцемъ моимъ такъ: вотъ я возвеличился, пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; узналъ, что и это — томленіе духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь.

„Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ, и насладись добромъ; но и это — суета. О смѣхѣ сказала я: глупость, — а о веселіи: что оно дѣлаетъ? Вздумалъ я въ сердцѣ моемъ услаждать виномъ тѣло мое и, между тѣмъ какъ сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколѣ не увижу, что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подь небомъ въ немногіе дни жизни своей. Я предпринялъ большія дѣла, построилъ себѣ дома, посадилъ себѣ виноградники. Устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей, произрастающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ — разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на

трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и, вотъ, все — суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подь солнцемъ. И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безуміе и глупость... Но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какъ и глупаго, — къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ моемъ, что и это — суета, потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и, увы, мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ! И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подь солнцемъ, ибо все — суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился я подь солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня... Ибо что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится онъ подь солнцемъ? Потому что всѣ дни его — скорби, и его труды — безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это — суета. Не во власти человѣка и то благо, чтобы ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего...

„Всему и всѣмъ одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и неприносящему жертвы; какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику; какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы. Это то и худо во всемъ, что дѣлается подь солнцемъ, что одна участь всѣмъ, и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и безуміе въ сердцѣ ихъ, въ жизни ихъ, а послѣ того они отходятъ къ умершимъ. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, и уже нѣтъ имъ воз-

данія, потому что и память о нихъ предана забвенію; и любовь ихъ, и ненависть ихъ, и ревность ихъ уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе части вовѣки ни въ чемъ, что дѣлается подь солнцемъ“.

Такъ говоритъ Соломонъ, или тотъ, кто писалъ эти слова.

А вотъ что говоритъ индійская мудрость:

Сакіа-Муни, молодой, счастливый царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, старость и смерть, ѣдетъ на гулянье и видитъ страшнаго старика, беззубаго и слюняваго. Царевичъ, отъ котораго до сихъ поръ скрыта была старость, удивляется и выспрашиваетъ возницу, что это такое и отчего этотъ человѣкъ пришелъ въ такое жалкое, отвратительное состояніе? И когда онъ узнаетъ, что это общая участь всѣхъ людей, что ему, молодому царевичу, неизбѣжно предстоитъ то же самое, онъ не можетъ уже ѣхать гулять и приказываетъ вернуться, чтобъ обдумать это. И онъ запирается одинъ и обдумываетъ. И, вѣроятно, придумываетъ себѣ какое-нибудь утѣшеніе, потому что онъ опять веселый и счастливый выѣзжаетъ на гулянье. Но въ этотъ разъ ему встрѣчается больной. Онъ видитъ изможденнаго, посинѣвшаго, трясущагося человѣка, съ помутившимися глазами. Царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, останавливается и спрашиваетъ, что это такое. И когда онъ узнаетъ, что это — болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, и что онъ самъ, здоровый и счастливый царевичъ, завтра можетъ заболѣть такъ же, онъ опять не имѣетъ духа веселиться, приказываетъ вернуться и опять ищетъ успокоенія и, вѣроятно, находитъ его, потому что въ третій разъ ѣдетъ гулять; но въ третій разъ онъ видитъ еще новое зрѣлище: онъ видитъ, что несутъ что-то. „Что это?“ — Мертвый человѣкъ. — „Что значитъ мертвый?“ — спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что сдѣлаться мертвымъ значитъ сдѣлаться

тѣмъ, чѣмъ сдѣлался этотъ человѣкъ. — Царевичъ подходитъ къ мертвецу, открываетъ и смотритъ на него. — „Что же будетъ съ нимъ дальше?“ — спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что его закопаютъ въ землю. — „Зачѣмъ?“ — Затѣмъ, что онъ уже навѣрно не будетъ больше никогда живой, а только будетъ отъ него смрадъ и черви. ~~„И это удѣлъ всѣхъ людей? И со мною тоже будетъ? Меня закопаютъ, и отъ меня будетъ смрадъ, и меня съѣдятъ черви?“~~ — Да. — „Назадъ! Я не ѣду гулять и никогда не поѣду больше“.

И Сакія-Муни не могъ найти утѣшенія въ жизни, и онъ рѣшилъ, что жизнь — величайшее зло, и всѣ силы души употребилъ на то, чтобъ освободиться отъ нея и освободить другихъ. И освободить такъ, чтобъ и послѣ смерти жизнь не возобновлялась какъ-нибудь, чтобъ уничтожить жизнь совсѣмъ въ корнѣ. Это говорить вся индійская мудрость.

Такъ вотъ тѣ прямые отвѣты, которые даетъ мудрость человѣческая, когда она отвѣчаетъ на вопросъ жизни.

„Жизнь тѣла есть зло и ложь. И потому уничтоженіе этой жизни тѣла есть благо, и мы должны желать его“, говорить Сократъ.

„Жизнь есть то, чего не должно бы быть, — зло, и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни“, говорить Шопенгауеръ.

„Все въ мірѣ — и глупость, и мудрость, и богатство, и нищета, и веселье, и горе — все суета и пустяки. Человѣкъ умретъ, и ничего не останется. И это глупо“, говорить Соломонъ.

„Жить съ сознаниемъ неизбѣжности страданій, ослабленія, старости и смерти нельзя, — надо освободить себя отъ жизни, отъ всякой возможности жизни“, говорить Будда.

И то, что сказали эти сильные умы, говорили, думали и чувствовали миллионы миллионныхъ людей подобныхъ имъ. И думаю, и чувствую и я.

Такъ что блужданіе мое въ знаніяхъ не только не вывело меня изъ моего отчаянія, но только усилло его. Одно знаніе не отвѣтило на вопросы жизни, другое же знаніе отвѣтило прямо, подтверждая мое отчаяніе и указывая, что то, къ чему я пришелъ, не есть плодъ моего заблужденія, болѣзненнаго состоянія ума, — напротивъ, оно подтвердило мнѣ то, что я думалъ вѣрно и сошелся съ выводами сильнѣйшихъ умовъ человѣчества.

Обманывать себя нечего. Все — суета. Счастливъ, кто не родился, — смерть лучше жизни; надо отъ нея избавиться.

VII.

Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, надѣясь найти его въ людяхъ, окружающихъ меня. И я сталъ наблюдать людей — такихъ, какъ и я, какъ они живутъ вокругъ меня и какъ они относятся къ этому вопросу, приведшему меня къ отчаянію.

И вотъ, что я нашелъ у людей, находящихся въ одномъ со мною положеніи по образованію и образу жизни.

Я нашелъ, что для людей моего круга есть четыре выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ мы всѣ находимся.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда — большею частью женщины или очень молодые, или очень тупые люди — еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауэру, Соломону, Буддѣ. Они не видятъ ни дракона, ожидающаго ихъ, ни мышей, подтачивающихъ кусты, за которые они держатся, и лижутъ капли меда. Но они лижутъ эти капли меда только до времени: что-нибудь обратитъ ихъ вни-

маніе на дракона и мышей, и — конецъ ихъ лизанью. Отъ нихъ мнѣ нечему научиться, — нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выходъ — это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покажѣсть тѣми благами, какія есть, не смотря ни на дракона, ни на мышей, а лизать медь самымъ лучшимъ образомъ, особенно если его накопилось много. Соломонъ выражаетъ этотъ выходъ такъ:

„И похвалилъ я веселье, потому что нѣтъ лучшаго для человѣка подь солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться; это сопровождаетъ его въ трудахъ во дни жизни его, которые далъ ему Богъ подь солнцемъ.

„Итакъ, иди, ѣшь съ весельемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое... Наслаждайся жизнью съ женщиною, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей, во всѣ суетные дни твои, потому что это — доля твоя въ жизни и трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подь солнцемъ... Все, что можетъ рука твоя по силамъ дѣлать, дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости“.

Такъ поддерживаютъ въ себѣ возможность жизни большинство людей нашего круга. Условія, въ которыхъ они находятся, дѣлаютъ то, что благъ у нихъ больше, чѣмъ золь, а нравственная тупость даетъ имъ возможность забывать, что выгода ихъ положенія случайна, что всѣмъ нельзя имѣть 1000 женъ и дворцовъ, какъ Соломонъ, что на каждаго человѣка съ 1000 женъ есть 1000 людей безъ женъ, и на каждый дворецъ есть 1000 людей, въ потѣ строящихъ его, и что та случайность, которая нынче сдѣлала меня Соломономъ, завтра можетъ сдѣлать меня рабомъ Соломона. Тупость же воображенія этихъ людей даетъ имъ возможность забывать про то, что не дало покоя Буддѣ — неиз-

бѣжность болѣзни, старости и смерти, которая не нынче-завтра разрушитъ всѣ эти удовольствія.

Такъ думаетъ и чувствуетъ большинство людей нашего времени и образа жизни. То, что нѣкоторые изъ этихъ людей утверждаютъ, что тупость ихъ мысли и воображенія есть философія, которую они называютъ позитивной, не выдѣляетъ на мой взглядъ этихъ людей изъ разряда тѣхъ, которые, чтобы не видать вопроса, лижутъ медь. И людямъ этимъ я не могъ подражать: не имѣя ихъ тупости воображенія, я не могъ ее искусственно проинвестировать въ себя. Я не могъ, какъ не можетъ всякій живой человѣкъ, оторвать глазъ отъ мышей и дракона, когда онъ разъ увидаль ихъ.

3 Третій выходъ есть выходъ силы и энергіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди. Понявъ всю глупость шутки, какаѣ надъ ними сыграна, и понявъ, что блага умершихъ паче благъ живыхъ, и что лучше всего не быть, они такъ и поступаютъ и кончаютъ сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, ножъ, чтобы проткнуть имъ сердце, поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. И людей изъ нашего круга, поступающихъ такъ, становится все больше и больше. И поступаютъ люди такъ большею частью въ лучшій періодъ жизни, когда силы души находятся въ самомъ расцвѣтѣ, а привычекъ, унижающихъ человѣческой разумъ, еще усвоено мало.

Я видѣлъ, что это самый достойный выходъ, и хотѣлъ поступить такъ.

4 Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная впередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Люди этого разбора знаютъ, что смерть лучше жизни, но, не имѣя силъ поступить разумно, поскорѣе

кончить обманъ и убить себя, чего-то какъ будто ждуть. Это есть выходъ слабости, ибо если я знаю лучшее, и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему?... Я находился въ этомъ разрядѣ.

Такъ люди моего разбора четырьмя путями спасаются отъ ужаснаго противорѣчія. Сколько я ни напрягалъ своего умственнаго вниманія, кромѣ этихъ четырехъ выходовъ я не видалъ еще иного. Одинъ выходъ: не понимать того, что жизнь есть бессмыслица, суета и зло и что лучше не жить. Я не могъ не знать этого и, когда разъ узналъ, не могъ закрыть на это глаза. Другой выходъ — пользоваться жизнью такою, какая есть, не думая о будущемъ. И этого я не могъ сдѣлать. Я, какъ Савиа-Мунн, не могъ ѣхать на охоту, когда зналъ, что есть старость, страданія, смерть. Воображеніе у меня было слишкомъ живо. Кромѣ того, я не могъ радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновение наслажденіе на мою долю. Третій выходъ: понявъ, что жизнь есть зло и глупость, прекратить ее, убить себя. Я понялъ это, но почему-то все еще не убивалъ себя. Четвертый выходъ — жить въ положеніи Соломона, Шопенгауэра — знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надомною шутка, и все-таки жить, умываться, одѣваться, обѣдать, говорить и даже книжки нисать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ положеніи.

Теперь я вижу, что если я не убилъ себя, то причиною тому было смутное сознание несправедливости моихъ мыслей. Какъ ни убѣдительно и ни несомнѣненно казался мнѣ ходъ моей мысли и мыслей мудрыхъ, приведшихъ насъ къ признанію бессмыслицы жизни, во мнѣ оставалось неясное сомнѣніе въ истинности моего сужденія.

Оно было такое: я, мой разумъ — признали, что жизнь неразумна. Если нѣтъ высшаго разума (а его нѣтъ, и ничто доказать его не можетъ), то

разумъ есть творецъ жизни для меня. Не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Какъ же этотъ разумъ отрицаетъ жизнь, а онъ самъ творецъ жизни? Или, съ другой стороны: если бы не было жизни, не было бы и моего разума, — стало бытъ, разумъ есть сынъ жизни. Жизнь есть все. Разумъ есть плодъ жизни, и разумъ этотъ отрицаетъ самую жизнь. Я чувствовалъ, что тутъ что-то неладно.

Жизнь есть бессмысленное зло, это несомнѣнно, — говорилъ я себѣ. — Но я жилъ, живу еще, и жила и живетъ все человѣчество. Какъ же такъ? Зачѣмъ же оно живетъ, когда можетъ не жить? Что-жъ, я одинъ съ Шопенгауэромъ такъ уменъ, что понималъ бессмысленность и зло жизни?

Разсужденіе о тцетѣ жизни не такъ хитро, и его дѣлаютъ давно и всѣ самые простые люди, а жили и живутъ. Что-жъ, они-то всѣ живутъ и никогда не думаютъ сомнѣваться въ разумности жизни?

Мое знаніе, подтвержденное мудростью мудрецовъ, открыло мнѣ, что все на свѣтѣ — органическое и неорганическое — все необыкновенно умно устроено, только мое одно положеніе глупо. А эти дураки — огромныя массы людей — ничего не знаютъ насчетъ того, какъ все органическое и неорганическое устроено на свѣтѣ, а живутъ, и имъ кажется, что жизнь ихъ очень разумно устроена!...

И мнѣ приходило въ голову: а что, какъ я чего-нибудь еще не знаю? Вѣдь точно такъ поступаетъ незнаніе. Незнаніе вѣдь всегда это самое говорить. Когда оно не знаетъ чего-нибудь, оно говорить, что глупо то, чего оно не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ выходитъ такъ, что есть человѣческое цѣлое, которое жила и живетъ, какъ будто понимая смыслъ своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь бессмыслица, и не могу жить.

Никто не мѣшаетъ намъ отрицать жизнь самоубійствомъ. Но тогда убей себя и — не будешь разсуждать. Не нравится тебѣ жизнь, убей себя. А живешь и не можешь понять смысла жизни, такъ прекрати ее, а не вертись въ этой жизни, разсказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришелъ въ веселую компанію, всѣмъ очень хорошо, всѣ знаютъ, что они дѣлаютъ, а тебѣ скучно и противно, такъ уйди.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что же такое мы, убѣжденные въ необходимости самоубійства и не рѣшающіеся совершить его, какъ не самые слабые, непослѣдовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящіеся со своею глупостью, какъ дуракъ съ писанной торбой?

Вѣдь наша мудрость, какъ она ни несомнѣнна, не дала намъ знанія смысла нашей жизни. Все же человечество, дѣлающее жизнь, милліоны — не сомнѣваются въ смыслѣ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ давнихъ, давнихъ поръ, какъ есть жизнь, о которой я что-нибудь да знаю, жили люди, зная то разсужденіе о тщетѣ жизни, которое мнѣ показало ея безсмыслицу, и все-таки жили, придавая ей какой-то смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась какая-нибудь жизнь людей, у нихъ уже былъ этотъ смыслъ жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мнѣ и около меня, — все и плотское, и неплотское, все это — плодъ ихъ знанія жизни. Тѣ самыя орудія мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее, — все это не мной, а ими сдѣлано. Самъ я родился, воспитался, выросъ, благодаря имъ. Они выкопали желѣзо, научили рубить лѣсъ, приручили коровъ, лошадей, научили сѣять, научили жить вмѣстѣ, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то — ихъ произведеніе, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, ихъ мыслями и словами думающій

— доказаль имъ, что они — бессмыслица! „Тутъ что-то не такъ“, говорилъ я себѣ. — „Гдѣ-нибудь я ошибся“. Но въ чемъ была ошибка, я никакъ не могъ найти.

VIII.

Всѣ эти сомнѣнія, которыя теперь я въ состояніи высказать болѣе или менѣе связно, тогда я не могъ бы высказать. Тогда я только чувствовалъ, что, какъ ни логически неизбѣжны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщетѣ жизни, въ нихъ было что-то неладно. Въ самомъ ли разсужденіи, въ постановкѣ ли вопроса, я не зналъ, — я чувствовалъ только, что убѣдительность разумная была совершенная, но что ея было мало. Всѣ эти выводы не могли убѣдить меня такъ, чтобъ я сдѣлалъ то, что вытекало изъ моихъ разсужденій, т. е. чтобъ я убилъ себя. И я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ, и не убилъ себя. Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила мой разумъ. Эта сила заставила меня обратить вниманіе на то, что я съ сотнями подобныхъ мнѣ людей не есть все человѣчество, что жизни человѣчества я еще не знаю.

Оглядывая тѣсный кружокъ сверстныхъ мнѣ людей, я видѣлъ только людей, не понимавшихъ вопроса, понимавшихъ и заглушавшихъ вопросъ пьянствомъ жизни, понявшихъ и прекращавшихъ жизнь и понявшихъ и доживавшихъ по слабости отчаянную жизнь. И я не видалъ иныхъ. Мнѣ казалось, что тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и до-

сужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, составляетъ все человѣчество, а что тѣ миллиарды жившихъ и живыхъ это — такъ, какіе-то скоты, не люди.

Какъ ни странно, ни неимоვნно-непонятно кажется мнѣ теперь то, какъ могъ я, разсуждая про жизнь, просмотрѣть всѣхъ окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ, жизнь человѣчества, какъ я могъ до такой степени смѣшно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломоновъ и Шопенгауэровъ есть настоящая, нормальная жизнь, а жизнь миллиардовъ есть не стоящее вниманія обстоятельство, — какъ ни странно это мнѣ теперь, я вижу, что это было такъ. Въ заблужденіи гордости своего ума, мнѣ такъ казалось несомнѣннымъ, что мы съ Соломономъ и Шопенгауэромъ поставили вопросъ такъ вѣрно и истинно, что другого ничего быть не можетъ, — такъ несомнѣнно казалось, что всѣ эти миллиарды принадлежатъ къ тѣмъ, которые еще не дошли до постиженія всей глубины вопроса, что я искалъ смысла своей жизни и ни разу не подумалъ: „да какой же смыслъ придаютъ и придавали своей жизни всѣ миллиарды, жившіе и живущіе на свѣтѣ?“

Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, особенно свойственномъ, не на словахъ, но на дѣлѣ, намъ — самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидеть, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что я ничего не могу знать, какъ то, что самое лучшее, чтѣ я могу сдѣлать — это повѣситься, — я чувалъ, что если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла надо, конечно, не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ миллиардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и

на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, не ученыхъ и не богатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти миллиарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать же ихъ неразумно доживающими бессмысленную жизнь могу еще меньше, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывалось, что у всего человѣчества есть какое-то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Вышло то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь; смыслъ же, придаваемый жизни миллиардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, виждется на какомъ-то презрѣнномъ ложномъ знаніи.

Разумное знаніе въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество — признаютъ этотъ смыслъ въ неразумномъ знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра, та самая, которую я не могъ не откинуть. Это Богъ 1 и 3, это твореніе въ 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока я не сошелъ съ ума.

Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ничего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни, а тамъ въ вѣрѣ — ничего, кромѣ отрицанія разума, которое еще невозможно, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло и люди знаютъ это, — отъ людей зависитъ не жить, а они жили и живутъ, и самъ я жилъ, хотя и зналъ уже давно то, что

жизнь бессмысленна и есть зло. По вѣрѣ вышло, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самого, для котораго только и нуженъ смыслъ. X

IX.

Выходило противорѣчіе, изъ котораго было два выхода: или то, что я называлъ разумнымъ, не было такъ разумно, какъ я думалъ; или то, что мнѣ казалось неразумно, не было такъ неразумно, какъ я думалъ. И я сталъ провѣрять ходъ разсужденій моего разумнаго знанія.

Провѣряя ходъ разсужденія разумнаго знанія, я нашелъ его совершенно правильнымъ. Выводъ о томъ, что жизнь есть ничто, былъ неизбѣженъ; но я увидалъ ошибку. Ошибка была въ томъ, что я мыслить несоответственно поставленному мною вопросу. Вопросъ былъ такой: зачѣмъ мнѣ жить, т. е. что выйдетъ настоящаго, не уничтожающагося изъ моей призрачной, уничтожающейся жизни, — какой смыслъ имѣетъ мое конечное существованіе въ этомъ безконечномъ мірѣ? И чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я изучалъ жизнь. X

Рѣшенія всѣхъ возможныхъ вопросовъ жизни, очевидно, не могли удовлетворять меня, потому что мой вопросъ, какъ онъ ни простъ кажется сначала, включаетъ въ себѣ требованіе объясненія конечнаго безконечнымъ и наоборотъ.

Я спрашивалъ: какое внѣвременное, внѣпричинное, внѣпространственное значеніе моей жизни? — А отвѣчалъ я на вопросъ: какое временное, причинное, пространственное значеніе моей жизни?... Вышло то, что послѣ долгаго труда мысли я отвѣтилъ: никакого.

Въ разсужденіяхъ моихъ, я постоянно приравнивалъ, да и не могъ поступить иначе, конечное къ конечному и безконечное къ безконечному, а по-

тому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, бесконечность есть бесконечность, ничто есть ничто, — и дадше ничего не могло выйти.

Было что-то подобное тому, что бываетъ въ математикѣ, когда, думая рѣшать уравненіе, рѣшаешь тожество. Ходъ размышленія правиленъ, но въ результатѣ получается отвѣтъ: a равняется a , или $x = x$, или $0 = 0$. То же самое случилось и съ моимъ разсужденіемъ по отношенію къ вопросу о значеніи моей жизни. Отвѣты, даваемые всею наукой на этотъ вопросъ, — только тожества.

И дѣйствительно, строго научное знаніе, то знаніе, которое, какъ это сдѣлалъ Декартъ, начинается съ полнаго сомнѣнія во всемъ, откидываетъ всякое допущенное на вѣру знаніе и строитъ все вновь на законахъ разума и опыта, — и не можетъ дать иного отвѣта на вопросъ жизни, какъ тотъ самый, который я и получилъ, — отвѣтъ неопредѣленный. Мнѣ только показалось сначала, что знаніе дало положительный отвѣтъ — отвѣтъ Шопенгауэра: жизнь не имѣетъ смысла, она есть зло. Но разобравъ дѣло, я понялъ, что отвѣтъ не положительный, что мое чувство только выразило его такъ. Отвѣтъ же строго выраженный, какъ онъ и выраженъ и у браминовъ, и у Соломона, и у Шопенгауэра, есть только отвѣтъ неопредѣленный, или тожество 0 равняется 0 , жизнь есть ничто. Такъ что знаніе философское ничего не отрицаетъ, а только отвѣчаетъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ имъ, что для него рѣшеніе остается неопредѣленнымъ.

Понявъ это, я понялъ, что нельзя было искать въ разумномъ знаніи отвѣта на мой вопросъ, и что отвѣтъ, даваемый разумнымъ знаніемъ, есть только указаніе на то, что отвѣтъ можетъ быть полученъ только при иной постановкѣ вопроса, только тогда,

тогда въ разсужденіе будетъ введенъ вопросъ отношенія конечнаго къ безконечному. Я понялъ и то, что какъ ни неразумны и уродливы отвѣты, даваемые вѣрою, они имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному, безъ котораго не можетъ быть отвѣта.

Какъ я ни поставлю вопросъ: какъ мнѣ жить? — отвѣтъ: по закону божію. — Что выйдетъ настоящаго изъ моей жизни? — Вѣчныя мученія или вѣчное блаженство. — Какой смыслъ, не уничтожаемый смертію? — Соединеніе съ безконечнымъ Богомъ, рай.

Такъ что, кромѣ разумнаго знанія, которое мнѣ представлялось единственнымъ, я былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію того, что у всего живущаго человѣчества есть еще какое-то другое знаніе неразумное — вѣра, дающая возможность жить. X

Вся неразумность вѣры оставалась для меня та же, какъ и прежде, но я не могъ не признать того, что она одна даетъ человѣчеству отвѣты на вопросы жизни и, вслѣдствіе того, возможность жить.

Разумное знаніе привело меня къ признанію того, что жизнь бессмысленна, — жизнь моя остановилась, и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидалъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. На себя оглянулся я: я жилъ, пока зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра. >

Оглянувшись дальше на людей другихъ странъ, на современныхъ мнѣ и на отжившихъ, я увидалъ одно и то же. Гдѣ жизнь, тамъ вѣра, съ тѣхъ поръ какъ есть человѣчество, даетъ возможность жить, и главныя черты вѣры вездѣ и всегда однѣ и тѣ же.

Какіе бы кому бы ни давала отвѣты какаѣ бы

то ни была вѣра, всякій отвѣтъ вѣры конечному существованію человѣка придаетъ смыслъ безконечнаго, — смыслъ, не уничтожаемый страданіями, лишеніями и смертью. Значить — въ одной вѣрѣ можно найти смыслъ и возможность жизни. Что же такое эта вѣра? И я понялъ, что вѣра не есть только обличеніе вещей невидимыхъ и т. д., не есть откровеніе (это есть только описаніе одного изъ признаковъ вѣры), не есть отношеніе человѣка къ Богу (надо опредѣлить вѣру, а потомъ Бога, а не черезъ Бога опредѣлять вѣру), не есть только согласіе съ тѣмъ, что сказали человѣку, какъ чаще всего понимается вѣра, — вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Если бы онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ. Если онъ не видитъ и не понимаетъ призрачности конечнаго, онъ вѣритъ въ это конечное; если онъ понимаетъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣритъ въ безконечное. Безъ вѣры нельзя жить.

И я вспомнилъ весь ходъ своей внутренней работы и ужаснулся. Теперь мнѣ было ясно, что для того, чтобы человѣкъ могъ жить, ему нужно или не видѣть безконечнаго, или имѣть такое объясненіе смысла жизни, при которомъ конечное приравнялось бы безконечному. Такое объясненіе у меня было, но оно мнѣ было не нужно, пока я вѣрилъ въ конечное, и я сталъ разумомъ проверять его. И передъ свѣтомъ разума все прежнее объясненіе разлетѣлось прахомъ; но пришло время, когда я пересталъ вѣритъ въ конечное. И тогда я сталъ на разумныхъ основаніяхъ строить изъ того, что я зналъ, такое объясненіе, которое дало бы смыслъ жизни; но ничего не построилось. Вмѣстѣ съ лучшими умами человѣчества я пришелъ къ тому, что 0 равняется 0, и очень удивился, что

получилъ такое рѣшеніе, тогда какъ ничего иного и не могло выйти.

Что я дѣлалъ, когда я искалъ отвѣта въ знаніяхъ опытныхъ? Я хотѣлъ узнать, зачѣмъ я живу, и для этого изучалъ все то, что внѣ меня. Ясно, что я могъ узнать многое, но ничего изъ того, что мнѣ нужно.

Что я дѣлалъ, когда я искалъ отвѣта въ знаніяхъ философскихъ? Я изучалъ мысли тѣхъ существъ, которыя находились въ томъ же самомъ положеніи, какъ и я, которыя не имѣли отвѣта на вопросъ: зачѣмъ я живу. Ясно, что я ничего и не могъ узнать иначе, какъ то, что я самъ зналъ, что ничего знать нельзя. ×

Что такое я? Часть безконечнаго. Вѣдь уже въ этихъ двухъ словахъ лежитъ вся задача.

Неужели этотъ вопросъ только со вчерашняго дня сдѣлало себѣ человѣчество? И неужели никто до меня не сдѣлалъ себѣ этого вопроса, — вопроса такого простого, просящагося на языкъ каждому умному дитяти?

Вѣдь этотъ вопросъ былъ поставленъ съ тѣхъ поръ, какъ люди есть; и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, понятно, что для рѣшенія этого вопроса одинаково недостаточно приравнивать конечное къ конечному и безконечное къ безконечному, и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, отысканы отношенія конечнаго къ безконечному и выражены.

Всѣ эти понятія, при которыхъ приравнивается конечное къ безконечному и получается смыслъ жизни, понятіе Бога, свободы, добра, мы подвергаемъ логическому изслѣдованію. И эти понятія не выдерживаютъ критики разума.

Если бы не было такъ ужасно, было бы смѣшно, съ какою гордостью и самодовольствомъ мы, какъ дѣти, разбираемъ часы, вынимаемъ пружину, дѣлаемъ изъ нея игрушку и потомъ удивляемся, что часы перестаютъ идти.

Нужно и дорого разрѣшеніе противорѣчія конечнаго съ безконечнымъ и отвѣтъ на вопросъ жизни такой, при которомъ возможна жизнь. И это единственное разрѣшеніе, которое мы вездѣ находимъ, всегда и у всѣхъ народовъ, — разрѣшеніе, вынесенное изъ времени, въ которомъ теряется для насъ жизнь людей, разрѣшеніе столь трудное, что мы ничего подобнаго сдѣлать не можемъ, — это разрѣшеніе мы легкомысленно разрушаемъ съ тѣмъ, чтобы поставить опять тотъ вопросъ, который присущъ всякому, и на который у насъ нѣтъ отвѣта.

Понятіе безконечнаго Бога, божественности души, связи дѣлъ людскихъ съ Богомъ, единства, сущности души, человѣческаго понятія нравственнаго добра и зла — суть понятія, выработанныя въ скрывающейся безконечности мысли человѣческой, суть тѣ понятія, безъ которыхъ не было бы жизни и меня самого, а я, отринувъ всю эту работу всего человѣчества, хочу все самъ одинъ сдѣлать по-новому и по-своему.

Я не такъ думалъ тогда, но зародыши этихъ мыслей уже были во мнѣ. Я понималъ, во-первыхъ, что мое положеніе съ Шопенгауэромъ и Соломономъ, несмотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаемъ, что жизнь есть зло, и все-таки живемъ. Это явно глупо, потому что, если жизнь глупа, — а я такъ люблю разумное, — то надо уничтожить жизнь, и некому будетъ отрицать ее. Во-вторыхъ, я понималъ, что всѣ наши разсужденія вертятся въ заколдованномъ кругѣ, какъ колесо, не цѣпляющееся за шестерню. Сколько бы и какъ бы хорошо мы ни разсуждали, мы не можемъ получить отвѣта на вопросъ, и всегда будетъ 0 равняться 0, и что потому путь нашъ, вѣроятно, ошибоченъ. Въ-третьихъ, я начиналъ понимать, что въ отвѣтахъ, даваемыхъ вѣрою, хранится глубочайшая мудрость человѣчества, и что я не имѣлъ права отрицать

ихъ на основаніи разума, и что главные отвѣты эти одни отвѣчаютъ на вопросъ жизни.

Х.

Я понималъ это, но отъ этого мнѣ было не легче.

Я готовъ былъ принять теперь всякую вѣру, только бы она не требовала отъ меня прямого отрицанія разума, которое было бы ложью. И я изучалъ и буддизмъ, и магометанство по книгамъ, и болѣе всего христіанство и по книгамъ, и по живымъ людямъ, окружавшимъ меня.

Я естественно обратился прежде всего къ вѣрующимъ людямъ моего круга, къ людямъ ученымъ, къ православнымъ богословамъ, къ монахамъ-старцамъ, къ богословамъ новаго оттѣнка и даже къ такъ называемымъ новымъ христіанамъ, исповѣдующимъ спасеніе вѣрою въ искушеніе. И я ухватывался за этихъ вѣрующихъ и допрашивалъ ихъ о томъ, какъ они вѣрятъ и въ чемъ видятъ смыслъ жизни.

Несмотря на то, что я дѣлалъ всевозможныя уступки, избѣгалъ всякихъ споровъ, я не могъ принять вѣры этихъ людей, — я видѣлъ, что то, что выдавали они за вѣру, не было объясненіе, а затемнѣніе смысла жизни, и что сами они утверждали свою вѣру не для того, чтобъ отвѣтить на тотъ вопросъ жизни, который привелъ меня къ вѣрѣ, а для какихъ-то другихъ, чуждыхъ мнѣ цѣлей.

Помню мучительное чувство ужаса возвращенія къ прежнему отчаянію послѣ надежды, которую я испытывалъ много и много разъ въ сношеніяхъ съ этими людьми.

Чѣмъ больше, подробнѣе они излагали мнѣ свои вѣроученія, тѣмъ яснѣе я видѣлъ ихъ заблужденіе и потерю моей надежды найти въ ихъ вѣрѣ объясненіе смысла жизни.

Не то, что въ изложеніи своего вѣроученія они примѣшивали, къ всегда бывшимъ мнѣ близкимъ христіанскимъ истинамъ, еще много ненужныхъ и неразумныхъ вещей, — не это оттолкнуло меня; но меня оттолкнуло то, что жизнь этихъ людей была та же, какъ и моя, съ тою только разницею, что она не соотвѣтствовала тѣмъ самымъ началамъ, которыя они излагали въ своихъ вѣроученіяхъ. Я ясно чувствовалъ, что они обманываютъ себя, и что у нихъ такъ же, какъ у меня, нѣтъ другого смысла жизни, какъ того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что можетъ взять рука. Я видѣлъ это потому, что если-бъ у нихъ былъ тотъ смыслъ, при которомъ уничтожается страхъ лишеній, страданій и смерти, то они бы не боялись ихъ. А они, эти вѣрующіе нашего круга, точно такъ же, какъ и я, жили въ достаткѣ и избыткѣ, старались увеличить или сохранить его, боялись лишеній, страданій, смерти, и такъ же, какъ я и всѣ мы, невѣрующіе, жили — удовлетворяя похотямъ, жили такъ же дурно, если не хуже, чѣмъ невѣрующіе.

Никакія разсужденія не могли убѣдить меня въ истинности ихъ вѣры. Только такія дѣйствія, которыя бы показывали, что у нихъ есть смыслъ жизни такой, при которомъ страшная мнѣ нищета, болѣзнь, смерть — не страшны имъ, могли бы убѣдить меня. А такихъ дѣйствій я не видѣлъ между этими разнообразными вѣрующими нашего круга. Я видѣлъ такія дѣйствія, напротивъ, между людьми нашего круга, между самими невѣрующими, но никогда между такъ называемыми вѣрующими нашего круга.

И я понялъ, что вѣра этихъ людей — не та вѣра, которой я искалъ, что ихъ вѣра не есть вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ утѣшеній въ жизни. Я понялъ, что эта вѣра годится, быть можетъ, хоть не для утѣшенія, а для нѣкотораго разсѣянія раскаивающемуся Соломону на смертномъ одрѣ, но

она не может годиться для огромнаго большинства человечества, которое призвано не потѣшаться, пользуясь трудами другихъ, а творить жизнь.

Для того, чтобы все человечество могло жить, для того, чтобы оно продолжало жизнь, придавал ей смыслъ, — у нихъ, у этихъ миллиардовъ, должно быть другое, настоящее знаніе вѣры. Вѣдь не то, что мы съ Соломономъ и Шопенгауэромъ не убили себя, не это убѣдило меня въ существованіи вѣры, а то, что жили эти миллиарды и живутъ и насъ съ Соломонами вынесли на своихъ волнахъ жизни.

И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, съ странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было то же христіанское, какъ вѣроученіе мнимо-вѣрующихъ изъ нашего круга. Къ истинамъ христіанскимъ было примѣ- шано тоже очень много суевѣрій, но разница была въ томъ, что суевѣрія вѣрующихъ нашего круга были совсѣмъ ненужны имъ, не вязались съ ихъ жизнью, были только своего рода эпикурейскою потѣхой; суевѣрія же вѣрующихъ изъ трудового на- рода были до такой степени связаны съ ихъ жизнью, что нельзя было себѣ представить ихъ жизни безъ этихъ суевѣрій, — они были необходимымъ условіемъ этой жизни. Вся жизнь вѣрующихъ нашего круга была противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ, а вся жизнь людей вѣрующихъ и трудящихся была под- твержденіемъ того смысла жизни, который давало знаніе вѣры. И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованія этихъ людей, и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ, и одна даетъ имъ смыслъ и возможность жи- зни. Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры, и гдѣ изъ 1000 едва ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва ли одинъ невѣрующій

на тысячи. Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью, я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходила въ тяжеломъ трудѣ, и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и X страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія, противленія, а съ спокойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это — добро. Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью.

X Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругѣ, — смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа. И такихъ людей, лишенныхъ всего того, что для насъ съ Соломономъ есть единственное благо жизни, и испытывающихъ при этомъ величайшее счастье, — многое множество. Я оглянулся шире вокругъ себя. Я взглянулъся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ, понявшихъ X смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни, тысячи, миллионы. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣднію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро.

И я долюбилъ этихъ людей. Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, живыхъ людей и въ жизнь умершихъ людей, про которыхъ я читалъ и слы-

шалъ, тѣмъ больше я любилъ ихъ, и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ: года два, и со мной случился переворотъ, который давно X готовился во мнѣ, и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатыхъ, ученыхъ — не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства — все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это — одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человечества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это — сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его.

XI.

И вспомнивъ то, какъ тѣ же самыя вѣрованія отталкивали меня и казались бессмысленными, когда ихъ исповѣдывали люди, жившіе противно этимъ вѣрованіямъ, и какъ эти же самыя вѣрованія привлекли меня и показались мнѣ разумными, когда я видѣлъ, что люди живутъ ими, — я понялъ, почему я тогда откинулъ эти вѣрованія и почему нашелъ ихъ бессмысленными, а теперь принялъ ихъ и нашелъ полными смысла. Я понялъ, что я заблудился, и какъ я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслить, сколько оттого, что я жилъ дурно. Я понялъ, что истину закрывало отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, удовлетворенія похотямъ, въ которыхъ я провелъ ее. Я понялъ, что мой вопросъ о томъ, что есть моя жизнь, и отвѣтъ: зло, — былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся ко мнѣ только, я отнесъ къ жизни вообще: я спро-

силъ себя, что такое моя жизнь, и получилъ от-
вѣтъ: зло и бессмыслица. И точно, моя жизнь —
жизнь потворства, похоти — была бессмысленна и
зла, и потому отвѣтъ: „жизнь зла и бессмысленна“
— относился только къ моей жизни, а не къ жизни
людской вообще. Я понялъ ту истину, впослед-
ствіи найденную мною въ евангеліи, что люди бо-
лѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что
дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя
дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, что-
бы не обличились дѣла его. Я понялъ, что для
того, чтобы понять смыслъ жизни, надо прежде
всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а
потомъ уже — разумъ для того, чтобы понять ее.
Я понялъ, почему я такъ долго ходилъ около такой
очевидной истины, и что если думать и говорить
о жизни человѣчества, то надо думать и говорить
о жизни человѣчества, а не о жизни нѣсколькихъ
паразитовъ жизни. Истина эта всегда была истина,
какъ дважды два есть четыре, но я не признавалъ
ее, потому что, признавъ дважды два — четыре,
я уже долженъ былъ признать то, что я нехорошъ.
А чувствовать себя хорошимъ для меня было важ-
нѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды два есть четыре.
Я полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ се-
бя, и я призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно
стало.

Что если бы палачъ, проводящій свою жизнь въ
пыткахъ и отсѣченіи головъ, или мертвый пьяница,
или сумасшедшій, засѣвшій на всю жизнь въ тем-
ную комнату, огадившій эту свою комнату и вооб-
ражающій, что онъ погибнетъ, если выйдетъ изъ
нея, — что еслибъ онъ спросилъ себя: что такое
жизнь? Очевидно, онъ не могъ бы получить на
этотъ вопросъ другого отвѣта, какъ тотъ, что
жизнь есть величайшее зло, и отвѣтъ сумасшед-
шаго былъ бы совершенно правильнъ, но для него
только. Что, какъ я такой же сумасшедшій? Что,

какъ мы всё, богатые, досужіе люди, такіе же сумасшедшіе? И я понялъ, что мы дѣйствительно такіе сумасшедшіе. Я-то ужъ навѣрное былъ та-кой сумасшедшій.

И въ самомъ дѣлѣ, птица существуетъ такъ, что она должна летать, собирать пищу, строить гнѣздо, и когда я вижу, что птица дѣлаетъ это, я радуюсь ея радостью. Коза, заяцъ, волкъ существуютъ такъ, что они должны кормиться, мно-житься, кормить свои семьи, и когда они дѣлаютъ это, у меня есть твердое сознание, что они счаст-ливы и жизнь ихъ разумна. Что же долженъ дѣ-лать человекъ? Онъ долженъ точно такъ же до-бывать жизнь, какъ и животныя, но съ тою только разницей, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ, — ему надо добывать ее не для себя, а для всѣхъ. И когда онъ дѣлаетъ это, у меня есть твердое со-знание, что онъ счастливъ и жизнь его разумна. Что же я дѣлалъ во всю мою тридцатилѣтнюю со-знательную жизнь? Я не только не добывалъ жизни для всѣхъ, я и для себя не добывалъ ее. Я жилъ паразитомъ и, спросивъ себя, зачѣмъ я живу, — получилъ отвѣтъ: ни зачѣмъ. Если смыслъ че-ловѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, тридцать лѣтъ занимавшійся тѣмъ, что-бы не добывать жизни, а губить ее въ себѣ и дру-гихъ, могъ получить другой отвѣтъ, какъ не тотъ, что жизнь моя есть бессмыслица и зло?... Она и была бессмыслица и зло.

Жизнь міра совершается по чьей-то волѣ, — кто-то этою жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Чтобъ имѣть надежду понять смыслъ этой воли, надо прежде всего ис-полнять ее, дѣлать то, чего отъ насъ хотятъ. А если я не буду дѣлать того, чего хотятъ отъ меня, то и не пойму никогда и того, чего хотятъ отъ меня, а ужъ тѣмъ менѣе — чего хотятъ отъ всѣхъ насъ и отъ всего міра.

Если голаго, голоднаго ницаго взяли съ перекрестка, привели въ крытое мѣсто прекраснаго заведенія, накормили, напоили и заставили двигать вверхъ и внизъ какую-то палку, то очевидно, что прежде, чѣмъ разбирать, зачѣмъ его взяли, зачѣмъ двигать палкой, разумно ли устройство всего заведенія, — нищему нужно прежде всего двигать палкой. Если онъ будетъ двигать палкой, то онъ пойметъ, что палка эта движеть насосъ, что насосъ накачиваетъ воду, что вода идетъ по грядкамъ; тогда его выведутъ изъ крытаго колодца и поставятъ на другое дѣло, и онъ будетъ собирать плоды и войдетъ въ радость господина своего и, переходя отъ низшаго дѣла къ высшему, все дальше и дальше понимая устройство всего заведенія и участвуя въ немъ, никогда и не подумаетъ спрашивать, зачѣмъ онъ здѣсь, и ужъ никакъ не станетъ упрекать хозяина.

Такъ и не упрекаютъ хозяина тѣ, которые дѣлаютъ его волю, люди простые, рабочіе, неученые, — тѣ, которыхъ мы считали скотами; а мы вотъ, мудрецы, ѣсть ѣдимъ все хозяйское, а дѣлать не дѣлаемъ того, чего отъ насъ хочетъ хозяинъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать, сѣли въ кружокъ и разсуждаемъ: „зачѣмъ это двигать палкой? Вѣдь это глупо“. Вотъ и додумались. Додумались до того, что хозяинъ глупъ, или его нѣтъ, а мы умны, только чувствуемъ, что никуда не годимся, и надо намъ какъ-нибудь самимъ отъ себя избавиться.

XII.

Сознаніе ошибки разумнаго знанія помогло мнѣ освободиться отъ соблазна празднаго умствованія. Убѣжденіе въ томъ, что знаніе истины можно найти только жизнью, побудило меня усомниться въ правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успѣлъ вырваться изъ своей исключительно-

сти и увидеть жизнь настоящую простого рабочего народа и понять, что она только есть настоящая жизнь. Я понял, что если я хочу понять жизнь и смысл ея, мнѣ надо жить не жизнью паразита, а настоящею жизнью и, принявъ тотъ смыслъ, который придаетъ ей настоящее человѣчество, слившись съ этою жизнью, провѣрять ее.

Въ это же время со мной случилось слѣдующее. Во все время этого года, когда я почти всякую минуту спрашивалъ себя: не кончить ли петлей или пулей, — во все это время, рядомъ съ тѣми ходами мыслей и наблюдений, о которыхъ я говорилъ, сердце мое томилось мучительнымъ чувствомъ. Чувство это я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ Бога.

Я говорю, что это исканіе Бога было не разсужденіе, но чувство, потому что это исканіе вытекало не изъ моего хода мыслей, — оно было даже прямо противоположно имъ, — но оно вытекало изъ сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь. *

Несмотря на то, что я вполне былъ убѣжденъ въ невозможности доказательства бытія Божія (такъ какъ Кантъ доказалъ мнѣ, и я вполне понялъ его, что доказать этого нельзя), я все-таки искалъ Бога, надѣялся на то, что я найду его, и обращался по старой привычкѣ съ мольбой къ тому, кого я искалъ и не находилъ. То я провѣрялъ въ умѣ доводы Канта и Шопенгауэра о невозможности доказательства бытія Божія, то я начиналъ провѣрять эти доводы и опровергать ихъ. Причина, говорилъ я себѣ, не есть такая же категорія мышленія, какъ пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина, и причина причинъ. И эта причина всего есть то, что называютъ Богомъ. И я оставался на этой мысли и старался всѣмъ существомъ сознать присутствіе этой причины. И

какъ только я сознавалъ, что есть сила, во власти которой я нахожусь, такъ тотчасъ же я чувствовалъ возможность жизни. Но я спрашивалъ себя: „Что же такое эта причина, эта сила? Какъ мнѣ думать о ней, какъ мнѣ относиться къ тому, что я называю Богомъ“? И только знакомые мнѣ отвѣты приходили мнѣ въ голову: „Онъ — творецъ, промыслитель“. Отвѣты эти не удовлетворяли меня, и я чувствовалъ, что пропадаетъ во мнѣ то, что нужно для жизни. Я приходилъ въ ужасъ и начиналъ молиться тому, котораго я искалъ, о томъ, чтобы онъ помогъ мнѣ. И чѣмъ больше я молился, тѣмъ очевиднѣе мнѣ было, что онъ не слышитъ меня, и что нѣтъ никого такого, къ которому бы можно было обращаться. И съ отчаяніемъ въ сердцѣ о томъ, что нѣтъ и нѣтъ Бога, я говорилъ: „Господи, помилуй, спаси меня! Господи, научи меня, Богъ мой!“ Но никто не миловалъ меня, и я чувствовалъ, что жизнь моя оста-навливается.

Но опять и опять съ разныхъ другихъ сторонъ я приходилъ къ тому же признанію того, что не могъ же я безъ всякаго повода, причины и смысла явиться на свѣтъ, что не могу я быть такимъ выпавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, какимъ я себя чувствовалъ. Пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пишу въ высокой травѣ, но я пишу оттого, что знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросилъ? Не могу я скрыть отъ себя, что любя родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то? — Опять Богъ.

Онъ знаетъ и видитъ мои исканія, отчаяніе, борьбу. „Онъ есть“, говорилъ я себѣ. И стоило мнѣ на мгновение признать это, какъ тотчасъ же жизнь поднималась во мнѣ, и я чувствовалъ и возможность, и радость бытія. Но опять отъ признанія существованія Бога я переходилъ къ отыски-

ванію отношенія къ нему, и опять мнѣ представлялся тотъ Богъ, нашъ творецъ въ трехъ лицахъ, приславшій сына — искупителя. И опять этотъ отдѣльный отъ міра, отъ меня, Богъ, какъ льдина таялъ, таялъ на моихъ глазахъ, и опять ничего не оставалось, и опять иссыхалъ источникъ жизни; я приходилъ въ отчаяніе и чувствовалъ, что мнѣ нечего сдѣлать другого, какъ убить себя. И, что было хуже всего, я чувствовалъ, что и этого я не могу сдѣлать.

Не два, не три раза, а десятки, сотни разъ приходилъ я въ эти положенія — то радости и оживленія, то опять отчаянія и сознанія невозможности жизни.

Помню, это было раннею весной, я одинъ былъ въ лѣсу, прислушиваясь къ звукамъ лѣса. Я прислушивался и думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно думалъ все объ одномъ и томъ же эти послѣдніе три года. Я опять искалъ Бога.

„Хорошо, нѣтъ никакого Бога“, — говорилъ я себѣ, — „нѣтъ такого, который бы былъ не мое представленіе, но дѣйствительность такая же, какъ вся моя жизнь, — нѣтъ такого. И ничто, никакія чудеса не могутъ доказать такого, потому что чудеса будутъ мое представленіе, да еще неразумное.

„Но понятіе мое о Богѣ, о томъ, котораго я ищу?“ — спросилъ я себя. — „Понятіе-то это откуда взялось?“ И опять при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ. Но радость моя продолжалась не долго. Умъ продолжалъ свою работу.

„Понятіе Бога — не Богъ“, — сказалъ я себѣ. — „Понятіе есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о Богѣ есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить въ себѣ. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, безъ чего бы не могла быть жизнь“. И опять все стало умирать вокругъ меня и во мнѣ, и мнѣ опять захотѣлось убить себя.

Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоить мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоить забыть, не вѣрить въ него, и я умираю.

Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, еслибы у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще? — вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить — одно и то же. Богъ есть жизнь.

Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе чѣмъ когда-нибудь все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня.

И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно постепенно уничтожалась во мнѣ сила жизни, и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно, незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая, — та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни.

Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ ту волю, которая произвела меня и чего-то хочетъ отъ меня; я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласнѣе съ этой волей; я вернулся къ тому, что выраженіе этой воли я могу найти въ томъ, что въ скрывающейся отъ меня

дали выработало для руководства своего все человечество, т. е. я вернулся въ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни. Только та и была разни́ца, что тогда все это было принято безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить.

Со мной случилось какъ будто вотъ что: я не помню, когда меня посадили въ лодку, оттолкнули отъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ берега, указали направленіе къ другому берегу, дали въ неопытныя руки весла и оставили одного. Я работалъ, какъ умѣлъ, веслами и плылъ; но чѣмъ дальше я выплывалъ на середину, тѣмъ быстрее становилось теченіе, относившее меня прочь отъ цѣли, и тѣмъ чаще и чаще мнѣ встрѣчались пловцы, такіе же, какъ я, уносимые теченіемъ. Были одинокіе пловцы, продолжавшіе грести; были пловцы, побросавшіе весла; были большія лодки, огромные корабли, полные народомъ; одни бились съ теченіемъ, другіе — отдавались ему. И чѣмъ дальше я плылъ, тѣмъ больше, глядя на направленіе внизъ, по потоку всѣхъ плывущихъ я забывалъ данное мнѣ направленіе. На самой серединѣ потока, въ тѣснотѣ лодокъ и кораблей, несущихся внизъ, я уже совсѣмъ потерялъ направленіе и бросилъ весла. Со всѣхъ сторонъ съ веселіемъ и ликованіемъ вокругъ меня неслись на парусахъ и на веслахъ пловцы внизъ по теченію, увѣряя меня и другъ друга, что и не можетъ быть другого направленія. И я повѣрилъ и поплылъ вмѣстѣ съ ними. И меня далеко отнесло, такъ далеко, что я услышалъ шумъ пороговъ, въ которыхъ я долженъ былъ разбиться, и увидалъ лодки, разбившіяся въ нихъ. И я опомнился. Долго я не могъ понять, что со мной случилось. Я видѣлъ передъ собой одну погибель, въ которой я бѣжалъ и которой боялся, нигдѣ не видѣлъ спасенія и не зналъ, что мнѣ дѣлать; но, оглянувшись назадъ, я

увидаль безчисленныя лодки, которыя, не переставая, упорно перебивали теченіе, вспомнилъ о берегу, о веслахъ и о направленіи и сталъ выгребаться назадъ вверхъ по теченію и къ берегу.

Берегъ это былъ Богъ, направленіе это — преданіе, весла — это была данная мнѣ свобода выгребстись къ берегу — соединиться съ Богомъ. И такъ, сила жизни возобновилась во мнѣ, и я опять началъ жить.

ХІІІ.

Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудового народа, — того, который дѣлаетъ жизнь и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и къ тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ, если можно его выразить, былъ слѣдующій. Всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ Бога. И Богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отречься отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ. Смыслъ этотъ народъ черпаетъ изъ всего вѣроученія, переданнаго и передаваемого ему пастырями и преданіями, живущими въ народѣ. Смыслъ этотъ былъ мнѣ ясенъ и близокъ моему сердцу. Но съ этимъ смысломъ народной вѣры неразрывно связано у нашего не раскольничьяго народа, среди котораго я

жилъ, много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимымъ: таинства, церковныя службы, посты, поклоненіе мощамъ и иконамъ. Отдѣлать одно отъ другого народъ не можетъ, не могъ и я. Какъ ни странно мнѣ было многое изъ того, что входило въ вѣру народа, я принялъ все, ходилъ къ службамъ, становился утромъ и вечеромъ на молитву, постился, говѣлъ, и первое время разумъ мой не противился ничему. То самое, что прежде казалось мнѣ невозможнымъ, теперь не возбуждало во мнѣ противленія.

Отношеніе мое къ вѣрѣ теперь и тогда было совершенно различное. Прежде сама жизнь казалась мнѣ исполненной смысла, и вѣра представлялась произвольнымъ утвержденіемъ какихъ-то совершенно ненужныхъ мнѣ неразумныхъ и не связанныхъ съ жизнью положеній. Я спросилъ себя тогда, какой смыслъ имѣютъ эти положенія, и, убѣдившись, что онѣ не имѣютъ его, откинулъ ихъ. Теперь же, напротивъ, я твердо зналъ, что жизнь моя не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла, и положенія вѣры не только не представлялись мнѣ ненужными, но я несомнѣннымъ опытомъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что только эти положенія вѣры даютъ смыслъ жизни. Прежде я смотрѣлъ на нихъ, какъ на совершенно ненужную тараторскую грамоту, теперь же, если я не понималъ ихъ, то зналъ, что въ нихъ смыслъ, и говорилъ себѣ, что надо учиться понимать ихъ.

Я дѣлалъ слѣдующее разсужденіе, я говорилъ себѣ: знаніе вѣры вытекаетъ, какъ и все человѣчество съ его разумомъ, изъ таинственнаго начала. Это начало есть Богъ, начало и тѣла человѣческаго, и его разума. Какъ преемственно отъ Бога дошло до меня мое тѣло, такъ дошли до меня мой разумъ и мое постигновеніе жизни, и потому всѣ тѣ ступени развитія этого постигновенія жизни не могутъ быть ложны. Все то, во что истинно вѣрятъ люди,

должно быть истина; она может быть различно выражаема, но ложью она не может быть, и потому если она мнѣ представляется ложью, то это значитъ только то, что я не понимаю ее. Кромѣ того, я говорилъ себѣ: сущность всякой вѣры состоитъ въ томъ, что она придаетъ жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью. Естественно, что для того, чтобы вѣра могла отвѣчать на вопросъ умирающаго въ роскоши царя, замученнаго работами старика-раба, несмышленнаго ребенка, мудраго старца, полуумной старушки, молодой счастливой женщины, мятущагося страстями юноши, всѣхъ людей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни и образованія, — естественно, если есть одинъ отвѣтъ, отвѣчающій на вѣчный одинъ вопросъ жизни: „зачѣмъ я живу, что выйдетъ изъ моей жизни“? — то отвѣтъ этотъ, хотя единственный по существу своему, долженъ быть безконечно разнообразенъ въ своихъ проявленіяхъ, и чѣмъ единѣе, чѣмъ истиннѣе, глубже этотъ отвѣтъ, тѣмъ, естественно, страннѣе и уродливѣе онъ долженъ являться въ своихъ попыткахъ выраженія, сообразно образованію и положенію каждаго. Но разсужденія эти, оправдывавшія для меня странность обрядовой стороны вѣры, были все-таки недостаточны для того, чтобы я самъ, въ томъ единственномъ для меня дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, позволилъ бы себѣ дѣлать поступки, въ которыхъ бы я сомнѣвался. Я желалъ всѣми силами души быть въ состояніи слиться съ народомъ, исполняя обрядовую сторону его вѣры; но я не могъ этого сдѣлать. Я чувствовалъ, что я лгалъ бы передъ собою, насмѣялся бы надъ тѣмъ, что для меня свято, еслибъ я дѣлалъ это. Но тутъ мнѣ на помощь явились новыя наши русскія богословскія сочиненія.

По объясненію этихъ богослововъ основной догматъ вѣры есть непогрѣшимая церковь. Изъ признанія этого догмата вытекаетъ, какъ необходимое

послѣдствіе, истинность всего исповѣдуемаго церковью. Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, соединенныхъ любовью и потому имѣющихъ истинное знаніе, сдѣлалось основой моею вѣры. Я говорилъ себѣ, что божеская истина не можетъ быть доступна одному человѣку, — она открывается только всей совокупности людей, соединенныхъ любовью. Для того, чтобы постигнуть истину, надо не раздѣляться; а для того, чтобы не раздѣляться, надо любить и примиряться съ тѣмъ, съ чѣмъ несогласенъ. Истина откроется любви, и потому, если ты X
не подчиняешься обрядамъ церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину. Я не видалъ тогда софизма, находящагося въ этомъ разсужденіи. Я не видалъ тогда того, что единеніе въ любви можетъ дать величайшую любовь, но никакъ не божественную истину, выраженную опредѣленными словами въ Никейскомъ Символѣ, не видалъ и того, что любовь никакъ не можетъ сдѣлать извѣстное выраженіе истины обязательнымъ для единенія. Я не видалъ тогда ошибки этого разсужденія и, благодаря ему, получилъ возможность принять и исполнять всѣ обряды православной церкви, не понимая большей части ихъ. Я старался тогда всѣми силами души избѣгать всякихъ разсужденій, противорѣчій, и пытался объяснять, сколько возможно разумно, тѣ положенія церковныя, съ которыми я сталкивался.

Исполняя обряды церкви, я смирялъ свой разумъ и подчинялъ себя тому преданію, которое имѣло все человѣчество. Я соединялся съ предками моими, съ любимыми мною — отцомъ, матерью, дѣдами, бабками. Они и всѣ прежніе вѣрили и жили, и меня произвели. Я соединялся и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. Кромѣ того, самыя дѣйствія эти не имѣли въ себѣ ничего дурного (дурнымъ я считалъ по-

творство похотямъ). Вставая рано въ церковной службѣ, я зналъ, что дѣлалъ хорошо, уже только потому, что — для смиренія своей гордости ума, для сближенія съ моими предками и современниками, во имя исканія смысла жизни, — я жертвовалъ своимъ тѣлеснымъ спокойствіемъ. То же было при говѣніи, при ежедневномъ чтеніи молитвъ съ поклонами, то же при соблюденіи всѣхъ постовъ. Какъ ни ничтожны были эти жертвы, эти жертвы были во имя хорошаго. Я говѣлъ, постился, соблюдалъ временныя молитвы дома и въ церкви. Въ слушаніи службы церковной я вникалъ въ каждое слово и придавалъ смыслъ имъ, когда могъ. Въ обѣднѣ самыя важныя слова для меня были: „возлюбимъ другъ друга да единомыслиемъ...“ Дальнѣйшія слова: „едино исповѣдуемъ Отца и Сына и Святого Духа“ — я пропускалъ, потому что не могъ понять ихъ.

XIV.

Мнѣ такъ необходимо было тогда вѣрить, чтобы жить, что я бессознательно скрывалъ отъ себя противорѣчія и неясности вѣроученія. Но это осмысливаніе обрядовъ имѣло предѣлъ. Если эктениі все яснѣе и яснѣе становилась для меня въ главныхъ своихъ словахъ, если я объяснялъ себѣ кое-какъ слова: „и владычицу нашу пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ помянувши, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“, — если я объяснялъ частое повтореніе молитвъ о царѣ и его родныхъ тѣмъ, что они болѣе подлежатъ искушенію, чѣмъ другіе, и потому болѣе требуютъ молитвъ, то молитвы о покореніи подъ ноги враговъ и супостата, если я ихъ объяснялъ тѣмъ, что врагъ есть зло, — молитвы эти и другія, какъ херувимская и все таинство проскомидіи или „взбранной воеводѣ“ и т. п., почти

двѣ трети всѣхъ службъ — или вовсе не имѣли объясненій, или я чувствовалъ, что я, подводя имъ объясненія, лгу и тѣмъ совсѣмъ разрушаю свое отношеніе къ Богу, теряю совершенно всякую возможность вѣры.

То же я испытывалъ при празднованіи главныхъ праздниковъ. Помнить день субботній, т. е. посвящать одинъ день на обращеніе къ Богу, мнѣ было понятно. Но главный праздникъ былъ воспоминаніе о событіи воскресенія, дѣйствительность котораго я не могъ себѣ представить и понять. И именемъ этимъ воскресенія назывался еженедѣльно празднуемый день. И въ эти дни совершалось таинство евхаристіи, которое мнѣ было совершенно непонятно. Остальные всѣ двѣнадцать праздниковъ, кромѣ Рождества, были воспоминанія о чудесахъ, о томъ, о чемъ я старался не думать, чтобы не отрицать: Вознесеніе, Пятидесятница, Богоявленіе, Покровъ и т. д. При празднованіи этихъ праздниковъ, чувствуя, что приписывается важность тому самому, что для меня составляетъ самую обратную важность, я или придумывалъ успокоивавшія меня объясненія, или закрывалъ глаза, чтобы не видать того, что соблазняетъ меня.

Сильнѣе всего это происходило со мною при участіи въ самыхъ обычныхъ таинствахъ, считавшихся самыми важными: крещеніи и причастіи. Тутъ не только я сталкивался съ не то, что непонятными, но вполне понятными дѣйствіями: дѣйствія эти казались мнѣ соблазнительными, и я былъ поставляемъ въ дилемму — или лгать, или отбросить.

Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила — все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Самое причастіе

я объяснял себѣ какъ дѣйствіе, совершаемое въ воспоминаніе Христа и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспринятіе ученія Христа. Если это объясненіе и было искусственно, то я не замѣчалъ его искусственности. Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь передъ духовникомъ, простымъ, робкимъ священникомъ, выворачивать всю грязь своей души, каясь въ своихъ порокахъ, такъ радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ отцовъ, писавшихъ молитвы правилъ, такъ радостно было единеніе со всѣми вѣровавшими и вѣрующими, что я не чувствовалъ искусственности моего объясненія. Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ, и священникъ заставилъ меня повторять то, что я вѣрю, что то, что я буду глотать, есть истинное тѣло и кровь, меня рѣзнуло по сердцу; эта мало что фальшивая нота, это — жестокое требованіе кого-то такого, который, очевидно, никогда и не зналъ, что такое вѣра.

Но я теперь позволяю себѣ говорить, что это было жестокое требованіе, тогда же я и не подумалъ этого, — мнѣ только было невыразимо больно. Я ужь не былъ въ томъ положеніи, въ какомъ я былъ въ молодости, думая, что въ жизни все ясно; я вѣдь пришелъ къ вѣрѣ потому, что помимо вѣры я ничего, навѣрное ничего, не нашелъ, кромѣ погибели, поэтому откидывать эту вѣру нельзя было, и я покорился. И я нашелъ въ своей душѣ чувство, которое помогло мнѣ перенести это. Это было чувство самоуниженія и смиренія. Я смирился, проглотилъ эту кровь и тѣло безъ кощунственныхъ чувствъ, съ желаніемъ повѣрить, но ударъ уже былъ нанесенъ. И зная впередъ, что ожидаетъ меня, я уже не могъ идти въ другой разъ.

Я продолжалъ точно такъ же исполнять обряды церкви и все еще вѣрилъ, что въ томъ вѣроученіи, которому я слѣдовалъ, была истина, и со мною

происходило то, что теперь мнѣ ясно, но тогда казалось страннымъ.

Слушалъ я разговоръ безграмотнаго мужика, странника о Богѣ, о вѣрѣ, о жизни, о спасеніи, и знаніе вѣры открывалось мнѣ. Сближался я съ народомъ, слушая сужденія его о жизни, о вѣрѣ, и я все больше и больше понималъ истину. То же было со мною при чтеніи Четы-Минеи и Продолговъ; это стало любимымъ моимъ чтеніемъ. Исключая чудеса, смотря на нихъ, какъ на фавуду, выражающую мысль, чтеніе это открывало мнѣ смыслъ жизни. Тамъ были житія Маварія великаго, Іоасафа царевича (исторія Будды), тамъ были слова Іоанна Златоуста, слова о путникѣ въ колодцѣ, о монахѣ нашедшемъ золото, о Петрѣ мытарѣ; тамъ — исторія мучениковъ, всѣхъ заявившихъ одно, что смерть не исключаетъ жизни; тамъ — исторія и спасшихся безграмотныхъ, глупыхъ и не знающихъ ничего объ ученіяхъ церкви.

Но стоило мнѣ сойтись съ учеными вѣрующими, или взять ихъ книги, какое то сомнѣніе въ себѣ, недовольство, озлобленіе спора возникали во мнѣ, и я чувствовалъ, что я, чѣмъ больше вникаю въ ихъ рѣчи, тѣмъ больше отдаляюсь отъ истины и иду къ пропасти.

XV.

Сколько разъ я завидовалъ мужикамъ за ихъ безграмотность и неученость. Изъ тѣхъ положеній вѣры, изъ которыхъ для меня выходили явныя бессмыслицы, для нихъ не выходило ничего ложнаго; они могли принимать ихъ и могли вѣрить въ истину, — въ ту истину, въ которую и я вѣрилъ. Только для меня несчастнаго ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена съ ложью, и что я не могу принять ее въ такомъ видѣ.

Такъ я жилъ года три и первое время, когда я,

какъ оглашенный, только понемногу пріобщался къ истинѣ, только руководимый чутьемъ шель туда, гдѣ мнѣ казалось свѣтлѣе, эти столкновения менѣе поражали меня. Когда я не понималъ чего-нибудь, я говорилъ себѣ: „я виноватъ, я дурень“. Но чѣмъ больше я сталъ проникаться тѣми истинами, которымъ я учился, чѣмъ болѣе они становились основой жизни, тѣмъ тяжелѣе, разительнѣе стали эти столкновения, и тѣмъ рѣзче становилась та черта, которая есть между тѣмъ, чего я не понимаю, потому что не умѣю понимать, и тѣмъ, чего нельзя понять иначе, какъ солгавъ передъ самимъ собою.

Несмотря на эти сомнѣнія и страданія, я еще держался православія. Но явились вопросы жизни, которые надо было разрѣшить, и тутъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ церковью — противно самымъ основамъ той вѣры, которою я жилъ, — окончательно заставило меня отречься отъ возможности общенія съ православіемъ. Вопросы эти были, во-первыхъ, отношеніе церкви православной къ другимъ церквамъ — къ католичеству и къ такъ называемымъ раскольникамъ. Въ это время, вслѣдствіе моего интереса къ вѣрѣ, я сближался съ вѣрующими разныхъ исповѣданій: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и др. И много я встрѣчалъ изъ нихъ людей нравственно высокихъ и истинно вѣрующихъ. Я желалъ быть братомъ этихъ людей. И что же? — То ученіе, которое обѣщало мнѣ соединить всѣхъ единою вѣрою и любовью, это самое ученіе въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей сказало мнѣ, что это все люди находящіеся во лжи, что то, что даетъ имъ силу жизни, есть искушеніе дьявола, и что мы одни въ обладаніи единой возможной истины. И я увидалъ, что всѣхъ, не исповѣдующихъ одинаково съ ними вѣру, православные считаютъ еретиками точь-въ-точь такъ же, какъ католики и другіе считаютъ

православіе еретичествомъ; я увидаль, что во всѣмъ, не исповѣдующимъ внѣшними символами и словами свою вѣру такъ же, какъ православіе, — православіе, хотя и пытается скрыть это, относится враждебно, какъ оно и должно быть, во-первыхъ, потому, что утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому, и, во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, любящій дѣтей и братьевъ своихъ, не можетъ не относиться враждебно къ людямъ, желающимъ обратить его дѣтей и братьевъ въ вѣру ложную. И враждебность эта усиливается по мѣрѣ бѣльшаго знанія вѣроученія. И мнѣ, полагававшему истину въ единеніи любви, невольно бросилось въ глаза то, что самое вѣроученіе разрушаетъ то, что оно должно произвести.

Соблазнъ этотъ до такой степени очевиденъ, до такой степени намъ, образованнымъ людямъ, живавшимъ въ странахъ, гдѣ исповѣдуются разныя вѣры, и выдавшимъ то презрительное, самоувѣренное, непоколебимое отрицаніе, съ которымъ относится католикъ къ православному и протестанту, православный къ католику и протестанту, и протестантъ къ обоимъ, и такое же отношеніе старообрядца, пашковца, шекера и всѣхъ вѣръ, что самая очевидность соблазна въ первое время озадачиваетъ. Говоришь себѣ: да не можетъ же быть, чтобъ это было такъ просто, и все-таки люди не видали бы того, что если два утвержденія другъ друга отрицають, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою должна быть вѣра. Что-нибудь тутъ есть. Есть какое-нибудь объясненіе, — я и думаль, что есть, и отыскиваль это объясненіе, и читаль все, что могъ, по этому предмету, и совѣтовался со всѣми, съ кѣмъ могъ. И не получаль никакого объясненія, кромѣ того же самаго, по которому Сумскіе гусары считаютъ, что первый полкъ въ мѣрѣ Сумской гусарскій, а желтые

уланы считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ — это желтые уланы. Духовныя лица всѣхъ разныхъ исповѣданій, лучшіе представители изъ нихъ, ничего не сказали мнѣ какъ только то, что они вѣрятъ, что они въ истинѣ, а тѣ въ заблужденіи, и что все, что они могутъ, это молиться о нихъ. Я ѣздилъ къ архимандритамъ, архіереямъ, старцамъ, схимникамъ и спрашивалъ, и никто никакой попытки не сдѣлалъ объяснить мнѣ этотъ соблазнъ. Одинъ только изъ нихъ разъяснилъ мнѣ все, но разъяснилъ такъ, что я ужъ больше ни у кого не спрашивалъ.

Я говорилъ о томъ, что для всякаго невѣрующаго, обращающагося къ вѣрѣ (а подлежить этому обращенію все наше молодое поколѣніе), этотъ вопросъ представляется первымъ: почему истина не въ лютеранствѣ, не въ католицизмѣ, а въ православіи? Его учатъ въ гимназій, и ему нельзя не знать — какъ этого не знаютъ мужики — что протестантъ, католикъ точно также утверждаютъ единую истинность своей вѣры. Историческія доказательства, подгибаемыя каждымъ исповѣданіемъ въ свою сторону, недостаточны. Нельзя ли — говорилъ я — выше понимать ученіе, такъ, чтобы съ высоты ученія исчезли бы различія, какъ исчезаютъ они для истинно вѣрующаго? Нельзя ли идти дальше по тому пути, по которому мы идемъ съ старообрядцами? Они утверждаютъ, что крестъ, аллилуія и хожденіе вокругъ алтаря у насъ другія. Мы сказали: вы вѣрите въ Никейскій Символь, въ семь таинствъ, и мы тоже вѣримъ. Давайте же держаться этого, а въ остальномъ дѣлайте, какъ хотите. Мы соединились съ ними тѣмъ, что поставили существенное въ вѣрѣ выше несущественнаго. Теперь съ католиками нельзя ли сказать: вы вѣрите въ то-то и въ то-то, въ главное, а по отношенію къ *Filio-que* и папѣ дѣлайте, какъ хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантамъ,

соединившись съ ними въ главномъ? Собесѣдникъ мой согласился съ моею мыслью, но сказала мнѣ, что такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а призваніе духовной власти — блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ.

И я все понялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И исполняя эти человѣческія дѣла, они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго, — для исполненія человѣческихъ дѣлъ нужно насиліе, и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если два исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи, то, желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдовать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдуется неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ, то церковь эта не можетъ не сжечь книги, не удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Чтò же дѣлать съ тѣмъ сектантомъ, горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія, вѣры, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, соблазняетъ сыновъ церкви? Чтò же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову, или не запереть его? При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т. е. по времени прилагали высшую мѣру наказанія, въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру, — запираютъ въ одиночное заключеніе. И я обратилъ вниманіе на то, чтò дѣлается во имя вѣроисповѣданія, и ужаснулся, и уже почти совсѣмъ отрекся отъ православія.

Второе отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ было отношеніе ея къ войнѣ и казнямъ.

Въ это время случилась война въ Россіи. И русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ нельзя было. Не видѣтъ, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры, нельзя было. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія, и учителя вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающемъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но, во время тѣхъ смуть, которыя послѣдовали за войной, я видѣлъ чиновъ церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійство заблудшихъ беспомощныхъ юношей. И я обратилъ вниманіе на все то, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся.

XVI.

И я пересталъ сомнѣваться, а убѣдился вполнѣ, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился, не все истинно. Прежде я бы сказалъ, что все вѣроученіе — ложно; но теперь нельзя было этого сказать. Весь народъ имѣлъ знаніе истины, это было несомнѣнно, потому что иначе онъ бы не жилъ. Кромѣ того, это знаніе истины уже мнѣ было доступно, я уже жилъ имъ и чувствовалъ всю его правду; но въ этомъ же знаніи была и ложь. И въ этомъ я не могъ сомнѣваться. И все то, что прежде отталкивало меня, теперь живо предстало предо мною. Хотя я и видѣлъ то, что во всемъ народѣ меньше было той примѣси оттолкнувшей меня лжи, чѣмъ въ представителяхъ церкви, — я все-таки видѣлъ, что и въ вѣрованіяхъ народа ложь примѣшана была къ истинѣ.

Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь, и истина заключаются въ преданіи, въ таеъ называемомъ священномъ преданіи и писаніи. И ложь, и истина переданы тѣмъ, что называютъ церковью.

И волей-неволей я приведенъ къ изученію, изслѣдованію этого писанія и преданія, — изслѣдованію, котораго я такъ боялся до сихъ поръ.

И я обратился къ изученію того самаго богословія, которое я когда-то съ такимъ презрѣніемъ откинулъ, какъ ненужное. Тогда оно казалось мнѣ рядомъ ненужныхъ бессмыслицъ, тогда со всѣхъ сторонъ окружали меня явленія жизни, казавшіяся мнѣ ясными и исполненными смысла; теперь же я бы и радъ откинуть то, что не лѣзетъ въ здоровую голову, но дѣваться некуда. На этомъ вѣроученіи зиждется, или по крайней мѣрѣ неразрывно связано съ нимъ, то единое знаніе смысла жизни, которое открылось мнѣ. Какъ ни кажется оно мнѣ дико на мой старый, твердый умъ, это — одна надежда спасенія. Надо осторожно, внимательно разсмотрѣть его, для того чтобы понять его, — даже и не то, что понять, какъ я понимаю положеніе науки: я этого не ищю и не могу искать, зная особенность знанія вѣры. Я не буду искать объясненія всего. Я знаю, что объясненіе всего должно скрываться, какъ начало всего, въ безконечности. Но я хочу понять такъ, чтобы быть приведеннымъ къ неизбѣжно - необъяснимому; я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требованія моего ума неправильны (онѣ правильны, и внѣ ихъ я ничего понять не могу), но потому, что я вижу предѣлы своего ума. Я X
хочу понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось мнѣ какъ необходимость разума же; а не какъ обязательство повѣрить.

Что въ ученіи есть истина, это мнѣ носомнѣнно; но несомнѣнно и то, что въ немъ есть ложь, и я долженъ найти истину и ложь и отдѣлать одно отъ другого. И вотъ я приступаю къ этому. Что я нашелъ въ этомъ ученіи ложнаго, что я нашелъ истиннаго и къ какимъ выводамъ я пришелъ, составляетъ слѣдующія части сочиненія, которое, если

ОНО ТОГО СТОИТЬ И НУЖНО КОМУ-НИБУДЬ, ВЪРОЯТНО
БУДЕТЬ КОГДА-НИБУДЬ И ГДѢ-НИБУДЬ НАПЕЧАТАНО.

1879 г.

Это было написано мною года три тому назадъ.
Эти части будутъ напечатаны.

Теперь, пересматривая это и возвращаясь къ тому ходу мысли и къ тѣмъ чувствамъ, которые были во мнѣ, когда я все это переживалъ, я на дняхъ увидалъ сонъ. Сонъ этотъ выразилъ для меня въ сжатомъ образѣ все то, что я пережилъ и описалъ, и потому думаю, что и для тѣхъ, которые поняли меня, описаніе этого сна освѣжить, уяснить и соберетъ въ одно все то, что такъ длинно рассказано на этихъ страницахъ. Вотъ этотъ сонъ:

Вижу я, что лежу на постели. И мнѣ ни хорошо, ни дурно: я лежу на спинѣ. Но я начинаю думать о томъ, хорошо ли мнѣ лежать; и что-то, мнѣ кажется, неловко ногамъ, коротко ли, не ровно ли, неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаю обдумывать, какъ и на чемъ я лежу, чего мнѣ до тѣхъ норъ не приходило въ голову. И наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеныхъ веревочныхъ помочахъ, прирѣпленныхъ къ бочинамъ кровати. Ступни мои лежатъ на одной такой помочи, голени — на другой, — ногамъ неловко. Я почему то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движеніемъ ногъ отталкиваю крайнюю помочу подъ ногами, мнѣ кажется, что такъ будетъ покойнѣе. Но я оттолкнулъ ее слишкомъ далеко, хочу захватить ее ногами, но съ этимъ движеніемъ выскальзываетъ изъ подъ голени и другая помоча, и ноги мои свѣшиваются. Я дѣлаю движеніе всѣмъ тѣломъ, чтобы справиться, вполне увѣренный, что я сейчасъ устроюсь; но съ этимъ движеніемъ выскальзываютъ и перемѣщаются подо мной еще и другія помочи,

и я вижу, что дѣло совсѣмъ портится: весь низъ моего тѣла спускается и виситъ, ноги не достаютъ до земли. Я держусь только верхомъ спины, и мнѣ становится не только неловко, но отчего-то жутко. Тутъ только я спрашиваю себя о томъ, что прежде мнѣ и не приходило въ голову. Я спрашиваю себя: гдѣ я, и на чемъ я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу внизъ, туда, куда свисло мое тѣло, и куда я чувствую, что долженъ упасть сейчасъ. Я гляжу внизъ и не вѣрю своимъ глазамъ. Не то что я на высотѣ, подобной высотѣ высочайшей башни или горы, а я на такой высотѣ, какую я не могъ никогда вообразить себѣ.

Я не могу даже разобрать — вижу ли я что-нибудь тамъ внизу, въ той бездонной пропасти, надъ которой я вишу, и куда меня тянетъ. Сердце сжимается, и я испытываю ужасъ. Смотрѣть туда ужасно. Если я буду туда смотрѣть, я чувствую, что я сейчасъ соскользну съ послѣдней помочи и погибну. Я не смотрю. Но не смотрѣть еще хуже; потому что я думаю о томъ, что будетъ со мной сейчасъ, когда я сорвусь съ послѣдней помочи. И я чувствую, что отъ ужаса я теряю послѣднюю державу и медленно скольжу по спинѣ ниже и ниже. Еще мгновенье — и я оторвусь. И тогда приходитъ мнѣ мысль: не можетъ это быть правда. Это сонъ. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же дѣлать, что же дѣлать? — спрашиваю я себя и взглядываю вверхъ. Вверху тоже бездна. Я смотрю въ эту бездну неба и стараюсь забыть о безднѣ внизу и, дѣйствительно, я забываю. Безконечность внизу отталкиваетъ меня и ужасаетъ; безконечность вверху притягиваетъ и утверждаетъ меня. Я такъ же вишу на послѣднихъ, не выскачившихъ еще изъ подъ меня помочахъ надъ пропастью; я знаю, что я вишу, но я смотрю только вверхъ, и страхъ мой пропадаетъ. Какъ это бываетъ во снѣ, какой-то голосъ говорить: замѣть

это! это оно! И я гляжу все дальше и дальше въ безконечность, вверхъ, и чувствую, что я успокаиваюсь, помню все, что было, и вспоминаю, какъ это все случилось: какъ я шевелилъ ногами, какъ я повисъ, какъ я ужаснулся и какъ спасся отъ ужаса тѣмъ, что сталъ глядѣть вверхъ. И я спрашиваю себя: ну, а теперь, что же я вижу все такъ же? И я не столько оглядываюсь, сколько всѣмъ тѣломъ своимъ испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уже не вижу и не падаю, а держусь крѣпко. Я спрашиваю себя, какъ я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, подъ серединой моего тѣла одна помоча, и что, глядя вверхъ, я лежу на ней въ самомъ устойчивомъ равновѣсїи, что она одна и держала прежде. И тутъ, какъ это бываетъ во снѣ, мнѣ представляется тотъ механизмъ, посредствомъ котораго я держусь, очень естественнымъ, понятнымъ и несомнѣннымъ, несмотря на то, что на яву этотъ механизмъ не имѣетъ никакого смысла. Я во снѣ даже удивляюсь, какъ я не понималъ этого раньше; оказывается, что въ головахъ у меня стоитъ столбъ, и твердость этого столба не подлечь никакому сомнѣнїю, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чемъ. Потомъ отъ столба проведена петля какъ то хитро и вмѣстѣ просто, и если лежишь на этой петлѣ серединой тѣла и смотришь вверхъ, то даже и вопроса не можетъ быть о паденїи. Все это мнѣ было ясно, и я былъ радъ и спокоенъ. И какъ будто кто-то мнѣ говорить: смотри же, запомни.

И я проснулся.

1882 г.

ИЗДАНИЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

	P. K.
1. Напрасная Жестокость. <i>В. Черткова.</i>	— 20
2. Голосъ Древней Церкви. <i>И. Трегубова.</i> (Распрод.)	— 12
3. Помогите! Обращеніе къ обществу. <i>И. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.</i>	— 12
4. Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. <i>И. Бирюкова и В. Черткова.</i>	— 20
5. Письма Петра Васильевича Ольховина.	— 30
6. Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? <i>Л. Н. Толстого.</i> (2-ое изданіе.)	— 12
7. Приближеніе Конца. <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 12
8. Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 20
9. Царство Божіе внутри васъ. <i>Ею же.</i>	1 —
10. Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) <i>Ею же.</i>	— 50
11. Гдѣ братъ твой? <i>В. Черткова.</i> (Распродано)	— 20
12. Голодъ или не голодъ? <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 10
13. Мой отказъ отъ военной службы. <i>А. Шкарева.</i>	— 60
14. Свободное Слово, № 1. (Распродано)	1 —
15. Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей <i>В. Черткова.</i> (Распродано)	— 20
16. Листки Свободнаго Слова, № 2.	— 20
17. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ <i>Е. Поповъ</i> , съ послѣсловіемъ <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 60
18. Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоимъ. <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 20
19. Свободное Слово, № 2.	1 —
20. Листки Свободнаго Слова, № 3.	— 30
21. Воскресеніе. Романъ <i>Л. Н. Толстого.</i> Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ. Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	5 — 1 50
22. Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. <i>Л. Н. Толстого.</i>	— 5

23. Листни Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.* — 5
24. Листни Свободнаго Слова, № 6. О манифестаціяхъ въ пользу мира. — 15
25. Листни Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена. — 5
26. Листни Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
27. Листни Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
28. О сожженіи оружія. Разказъ *Н. Збарова.* — 20
29. Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А. и В. Чертковыхъ.* (2-ое изданіе.) — 30
30. Листни Свободнаго Слова, № 10. По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.* (Распродано) — 10
31. Листни Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и др.) — 10
32. Листни Свободнаго Слова, № 12. Два письма *Л. Н. Толстого.* (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ). — 10
33. Листни Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе беспорядки въ маѣ 1899 года. — 20
34. Жизнь и ученіе Иисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25
35. Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 60
36. Листни Свободнаго Слова, № 14. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
37. Листни Свободнаго Слова, № 15. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
38. Листни Свободнаго Слова, № 16. Патриотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 20
39. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волкенштейнъ.* — 40
40. Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.* — 30
41. Практическій учебникъ англійскаго языка, пригнанный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ. — 60
42. Листни Свободнаго Слова, № 17. „Не убій“. *Л. Н. Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10

43. Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* — 50
44. Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ?
Л. Н. Толстого и выдержки изъ его писемъ за
1900 г. — 15
45. Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.* — 30
46. Списокъ матеріала о духоборахъ. Составилъ *В.
Бончъ-Бруевичъ.* (Разошлось.)
47. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 1-й. Письма П. В. Веригина.
Подъ редакціей *В. Бончъ-Бруевича.* 1 —
48. Теодоръ Паркеръ. О вопросахъ религіи и біо-
графія автора. Переводъ съ англійскаго подъ
редакціей *В. Черткова.* — 40
49. Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. По матеріаламъ,
собраннымъ *В. Чертковымъ.* — 50
50. Отчетъ издательства „Свободное Слово“ за
1897 — 1900 гг. (Разошлось.)
51. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 2-ой. I. Разъясненіе жизни
христіанъ. II. Былъ у насъ, христіанъ, сиротскій
домъ. (Двѣ духоборческія рукописи). — 30
52. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 3-й. Разсказъ духоборца
Васи Позднякова. — 40
53. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 4-й. Духоборы въ дисци-
плинарныхъ батальонахъ. (Печатается).
54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 5-й. Духоборцы въ тюрь-
махъ. (Печатается).
55. Листки Свободнаго Слова, № 19. О современ-
ныхъ волненіяхъ въ Россіи. — 40
56. О смыслѣ жизни. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 40
57. Листки Свободнаго Слова, № 20. Царю и его
помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого.* — 15
58. Листки Свободнаго Слова, № 21. Изъ современ-
ной жизни въ Россіи. — 40
59. Листки Свободнаго Слова, № 22. Отвѣтъ Си-
ноду Льва Николаевича Толстого, — 15

60. Листки Свободнаго Слова, № 23. За свободу со-
нѣсти и слова. Изъ современной жизни въ Россіи. — 40
61. Изложение Евангелія. Съ примѣчашіями, взятыми
изъ книги „Соединеніе и переводъ 4-хъ Еванге-
лій“. Л. Н. Толстого. 1 50
62. О половомъ вопросѣ. Мысли Л. Н. Толстого. — 50
63. Унитаріанское христіанство. Переводъ съ англій-
скаго подъ редакціей В. Черткова. — 25
64. О вѣчномъ и преходящемъ въ религіи. Пере-
водъ съ англійскаго подъ редакціей В. Черткова. — 25
65. Альбомъ художественныхъ иллюстрацій Л. О.
Пастернака къ роману Л. Н. Толстого „Вос-
кресеніе“. 1 50
66. Листки Свободнаго Слова, № 24. Единственное
средство. Л. Н. Толстого. — 30
67. Каталогъ изданій „Свободнаго Слова“. Съ со-
держаніемъ. (Разсылается бесплатно).
68. Отчетъ издательства „Свободное Слово“ за
1901 годъ. (Печатается).
69. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго
сектантства. Выпускъ 6-ой. Говенія на бапти-
стовъ. (Печатается).
70. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, за-
прещенныхъ русскою цензурою. Часть I. Всту-
пленіе къ Критикѣ Догматическаго Богословія.
(Исповѣдь). — 75
71. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма Л. Н.
Толстого. — 25

Предпринимается печатаніе слѣдующихъ томовъ

- „Полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого“
„Критика догматическаго богословія“.
„Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій“.
„Въ чемъ моя вѣра?“
„Такъ что же намъ дѣлать?“
„О жизни.“

